



Алексей Олейников

Печать Магуса

«Автор»

2013

Олейников А. А.

Печать Магуса / А. А. Олейников — «Автор», 2013 — (Дженни Далфин и Скрытые Земли)

ISBN 978-5-457-26064-1

Темный маг Альберт Фреймус по прозвищу Щелкунчик никогда и никому ничего не прощает. Достаточно одного маленького проступка, чтобы стать его врагом. Но Дженни нарушила планы чародея несколько раз. Первый, когда одолела созданную им ледяную химеру. Второй – осмелившись штурмовать его замок, а третий... когда сбежала из личной темницы Фреймуса на неприступном скалистом острове. Колдун рассчитывал обменять Дженни на Синюю печать Магуса – уникальный могущественный артефакт. В погоню за беглянкой темник отправил самого беспощадного и надежного помощника...

ISBN 978-5-457-26064-1

© Олейников А. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Олейников

Печать Магуса

Глава 1

Она не помнила, откуда пришла.

Море было похоже на огромную чашу, полную соленой влаги. Оно держало ее в ладони, и она мчалась вперед, вспарывая черным плавником стальные волны. Она была одинока и свободна, как может быть только свободен дельфин в открытой воде. Там, далеко позади, где море с шумом вгрызалось в скалы, осталась земля. Там произошло что-то страшное, и ей было невыносимо об этом вспоминать. Далеко позади она оставила себя прежнюю, свое прошлое и тех, кто был ей близок. Внутри пылала темным огнем огромная язва, и она отгоняла от себя всякую мысль о случившемся, чтобы не растревожить опаленные края этой раны.

Кто она, куда она плывет, от кого бежит – все растворилось в страхе и отчаянии. Дельфин-афалина – редкий гость в суровых широтах – все быстрее взрезал острым носом волны. Она кружила между побережьем Англии и Норвегии, то возвращаясь к богатым сельдью отмелям, то уходя в пустынные воды Норвежского моря – к Оркнейским и Шетландским островам. Она металась в море, как мечется смертельно больной в постели.

Она просто неслась вперед – куда влекли ее теплые течения, словно русла подводных рек, куда указывали серебряные стрелы косяков сельди, куда вели ее птицы – небесные поводыри. Сама того не зная, она плыла на северо-восток, к берегам Норвегии. А море качало ее, укутывало покрывалом холодного шелка. Море выстилало путь белой пеной и гагачьим пухом.

Этот мир был нарисован серым. Тяжелые свинцовые тучи смыкались на горизонте с хмурыми волнами. Воды моря были щедры на рыбу. Когда инстинкты брали верх, она пробивала толщу вод и врзалась в стаи сайды и сельди. Наевшись, она парила в зеленоватой бездне и бросала в пространство переливчатый свист. За тысячи километров к ней приходил гулкий ответ – на другом конце Земли продолжали свое бесконечное путешествие ее сородичи – большие киты.

Она слышала, как поют другие дельфины, танцуя в соленой мгле. Слышала, как звенят косяки рыб на отмелях, резвясь в прогретой солнцем воде, чуяла, как скрежещут и лязгают неуклюжие корабли людей, как крадутся на глубине темные туши подводных лодок. Она была с морем один на один, и постепенно язва памяти внутри ее зарастала, как затягивается илом на дне утонувшая лодка, как тонут в донных отложениях скелеты погибших людей – не пропадая, но исчезая из виду, чтобы через сто или тысячу лет волна выбросила их на берег.

Ночами она спала, выставив из воды тонко сопящее дыхальце. Луна, пробиваясь сквозь бегущие облака, лила на воду свой жидкий свет, и тогда волны густели, словно на них опрокинули масло. В такие мгновения ее сон становился прозрачней хрусталя, и ей снилось, что из глубины поднимаются морские девы с зелеными волосами и глазами цвета перламутра.

«Останься с нами, – шептали они. – Твое место здесь. Здесь ты обретишь покой».

Но наступал день, и она продолжала свой путь. Ей не давала покоя смутная тревога. Ей чудилось, что за ней идет погоня, что ее прыжок в пропасть не всех обманул.

За три недели до Рождества она прошла мимо островов Ставангера и вошла в один из самых длинных норвежских фьордов – Люсефьорд.

...По пятам за ней двигалась злая буря, которая несла над холодными волнами маленький клочок бумаги с пляшущими черными закорючками. Словно ребенок написал нестройный ряд каракуль и, шутя, подбросил в воздух.

* * *

– Тюлень! – Бьорн указал в сторону берега, откуда вливалась в морские воды река. – Не уплыли еще.

Этим декабрьским утром они поднялись очень рано. Когда выплыли на середину фьорда, солнце лишь успело выкрасить золотым кончики вершин плато Кьераг. Солнце еще не опустило горячие руки в прохладную глубину ущелья, не разогнало туман, курящийся над изумрудной водой Люсефьорда, и внизу, на дне километровой пропасти, царил полумрак, сквозь который скользила лодка, чуть слышно поскрипывая веслами в уключинах.

– Это не тюлень, – прищурился Арвет, опуская весла и замедляя ход. – Это дельфин. Разве они сюда заплывают?

– Сколько живу, ни разу не слышал. Может, заблудился?

Арвет пожал плечами. Он еще раз взглянул на загадочный плавник и положил весла. Вынул спиннинг и начал разматывать катушку.

– Может, его винтом ранило, – сказал Бьорн. – Или он о сети порезался?

Арвет со свистом отправил тяжелую блесну в полет и раздробил гладь воды.

– Близо он нас все равно к себе не подпустит. Предлагаешь носиться за ним и уговаривать уплыть обратно, потому что здесь он замерзнет?

* * *

Через три часа они уже подходили к дому, оставив лодку возле причала. Улов был небогат: шесть небольших сайд и маленький морской ерш. Сайд поймал Арвет. А ерша добыл Бьорн.

– Я назову его Юргенс, – объявил он, поднимая полиэтиленовый пузырь с водой, в котором растопырился плавниками золотой ерш.

– А если это она?

Парень всмотрелся:

– Нет, Арви, это мужик. Ты видел, как он дрался? Всю ладонь расцарапал. Добро пожаловать в мой дом, Юргенс!

Бьорн распахнул дверь.

Арвет отнес удочки в сарай и тоже пошел в дом.

– Кристин, привет. – Арвет вошел на кухню. – Я возьму миску для рыбы?

– Это что, и весь улов? – махнула рукой бабушка Бьорна, отвлекаясь от телевизора. – Стоило морозить задницы, чтобы принести пять рыбешек.

– Еще мы поймали Юргенса, но его Бьорн есть не будет.

– Юргенса?

– Это морской ерш, – пояснил Арвет. – Они с Бьорном подружились. Сейчас он ему дом показывает.

– Кажется, мой внук отморозил себе еще и голову. – Кристин повернулась к телевизору. – Бери посуду и не забудь ее помыть.

Арвету Кристин нравилась. Невысокая, худая как щепка, с коротким ежиком седых волос. У нее было вытянутое лицо, низкий голос и желтые прокуренные пальцы. Кристин курила крепкие дешевые сигареты, любила детективные сериалы и перед обедом выпивала бокал вина.

Арвет вернулся к сараю, к рыборазделочной доске. Он чистил, резал, потрошил, а из головы все никак не шел тот черный плавник у самого берега. Это точно был не тюлень – уж их-то Арвет Андерсен повидал достаточно. Вот Эйфелевой башни не видел. Кремля и Красной площади не видел. Водопада Виктория тоже не наблюдал. Он даже дальше Тромсё¹ не выезжал. Поездка сюда, в поселок Люсеботн в Южной Норвегии, к бабушке Бьорна – его первое большое путешествие.

Зато он умел по крику узнать любую птицу побережья, поймать форель голыми руками в ледяной горной реке, набрать птичьих яиц в гнезде над пропастью – в общем, все, что умеет любой юный саам. Впрочем, Арвета нельзя было назвать юнцом. Крепкий, коренастый, прямые черные волосы, легкая индейская раскосость и серьезный взгляд. Он казался куда старше своих пятнадцати лет.

Бьорн Эгиль был совсем на него не похож. Высокий, полноватый, рыхлый. Растрепанные белые волосы, мягкие и мятые. Тонкая, как у девочки, белая кожа. Бьорн быстро краснел, быстро злился и быстро остывал. Они познакомились прошлым летом в лютеранском молодежном лагере. Бьорн, как и Арвет, был министрантом в кирке². Он мечтал стать пастором, жениться и завести кучу ребятишек. Арвет ему немного завидовал – сам он не мог так же четко и однозначно ответить, чего он хочет в жизни.

Он сполоснул руки, отнес миску на кухню. Кристин следила за утренней викториной и не заметила бы, что ее дом унесло ураганом куда-нибудь в Канзас. А Бьорн ушел наверх. Арвет заварил кофе, соорудил бутерброд с джемом и отправился на террасу завтракать на свежем воздухе.

Было тепло, целых плюс пять. В это время дома, в Финмарке, под минус тридцать. Дом бабушки Бьорна располагался на возвышении в глубине Люсеботена. Такие же аккуратные коттеджи из черных бревен были редко разбросаны по склонам, как игральные кубики великанов.

«Что Люсеботн, что мой Бьеркен – и то, и другое редкое захолустье, – подумал Арвет. – Три дома, почта, причал и кемпинг. А у нас и кемпинга нет».

– Вот ты где! – Бьорн выглянул на улицу. – И охота мерзнуть? Пойдем в дом.

Арвет покачал головой. Ему нравилось здесь, в тишине и холоде. Ну, то есть пока здесь была тишина. С приходом Бьорна разница между кухней, где гремел телевизор, и террасой исчезла.

– Я решил отпустить Юргенса. – Бьорн плюхнулся в кресло. – В конце концов, Господь сотворил его свободным. Ты куда?

– Пойду, погляжу, что за дельфин у вас завелся.

– Я с тобой! – Бьорн вскочил. – Как раз Юргенса выпущу.

Арвет только пожал плечами.

¹ **Тромсё** – это город и коммуна в Норвегии, административный центр фюльке Тромс. Центр города находится на небольшом острове, почти на 400 км севернее Полярного круга. Здесь находятся самые северные в мире университет (Университет Тромсё), ботанический сад, пивоваренный завод, футбольный клуб и планетарий. Люди обитали в районе Тромсё со времен последнего оледенения. Во время Второй мировой войны в районе Тромсё укрывался знаменитый немецкий линкор Тирпиц – самый мощный линкор немецкого флота того времени. Там же он был и потоплен, при этом погибла почти тысяча немецких солдат. Также в Тромсё со времен освоения поморами Севера всегда было много русских. Одно время в этом регионе даже возник и развивался особый торговый язык руссенорск или «Моя-по-твоя» – смешанный русско-норвежский язык.

² **Министрант** – служба, кирка – церковь. Бьорн и Арвет состояли в союзе Лютеранской молодежи и помогали священнику при богослужении. Как правило, это первая ступень к тому, чтобы в будущем стать пастором.

* * *

– Милый Юргенс, не поминай лихом. – Бьорн присел у берега и вылил пакет. Ерш плеснул хвостом, припал пузом к гальке и заелозил по дну. – Плодись и размножайся, Юргенс!

Люсеботн находился в самом конце фьорда, там, где прозрачная река впитывала в себя тысячи мелких ручейков и небольших водопадов, бегущих с плато Кьераг, и вливалась в морскую зелень фьорда.

С самолета Люсефьорд кажется узкой трещиной в земле. Но стоит спуститься на землю, встать на скалы, сложенные из зеленоватых и розовых гранитов, морщинистых от множества ручейков, и вы увидите, насколько фьорд громаден. Скалы вокруг него уходят вертикально вверх на тысячу метров и на столько же в глубину. Узкий язык моря тянется в глубь земли на сорок километров.

Арвет смотрел на горы, обступившие широкое полотно воды, рассматривал сквозь лазурную синеву гальку и бурые нити водорослей у берега, провожал глазами чаек, круживших над причалом и опустевшим кемпингом, но нигде не замечал черного дельфиньего плавника.

– Уплыл. – Бьорн подобрал плоский камешек и запустил его вприпрыжку. – Как думаешь, куда?

– Туда, где нас нет. Бинокль бы...

– Дома есть. Раз, два... черт, всего пять раз. Арви, ты умеешь «печь блинчики»?

– Чего тут уметь?

– Не скажи! Это особое искусство, – вдохновился Бьорн. – В старину викинги именно так определяли будущего конунга – кто дальше всех метнет, тому и быть вождем.

– Тебе не пастором надо быть, а писателем. – Арвет после недолгого раздумья поднял неприметный округлый камень.

– Нет, этот не полетит. Слишком толстый, – запротестовал приятель. – А нужен тонкий и плоский. Ты что, не сечешь в викингх?

Арвет запустил «блинчик». Бьорн присвистнул:

– ...девять! Круть. Быть тебе конунгом!

– Спасибо, не надо. – Арвет прищурился. Кажется, что-то мелькнуло на той стороне фьорда, у входа в пещеру.

Чтобы добраться до пещеры, нужно раздобыть лодку. И куда-нибудь спрятать Бьорна. Хотелось одному прогуляться к этой пещере. Тихо, спокойно, без суеты. С Бьорном так не получится. Арвет гостил у его бабушки всего два дня и уже начинал скучать по тишине. Он сам удивлялся, как они сошлись в лагере?

«Я же все-таки приехал к нему на адвент³, – подумал Арвет. – И Бьорн хороший парень. Только немного шумный».

Бьорн молчал, засмотревшись на скалы, спрятавшие макушки в шапке густого тумана. В его светло-голубых глазах клубился такой же мечтательный туман.

Арвету стало стыдно.

«Возьму его вечером с собой».

Бьорн скосил глаза и выдул столб пара:

– Я похож на дракона?

³ Традиционные рождественские каникулы в Норвегии.

Арвет добрался до лодки лишь под вечер. Кристин отправилась навестить соседей, еще не уехавших на зиму в городок Сирдал за перевалом, а Бьорн с головой ушел в сети: насмерть бился с кем-то на форуме, обсуждая особенности правления Харальда Прекрасноволосого⁴.

«Может, взять его?» – Арвет задумался у двери Бьорновой комнаты и тут же отгнал шальную мысль. Нет, Бьорн Эгиль отличный парень, добрый и умный, иногда даже слишком. Но вот незаметно подкрадываться к добыче он не умеет. А скажи ему об этом, ведь, чудак, обидится. Нет, лучше уж Арвет сам, как привык...

Он тихо спустился по лестнице, оделся и вышел на улицу. Ночь лежала на горах как уставший путник, а выше, над скалами, блестели искры на ее плаще. Поскрипывая свежим снегом, Арвет пошел вниз по дороге, к причалу.

Бьорн был правильным. Наверное, он даже игрушками и конфетами в детстве со всеми делился. Ему действительно нравилось встречать Рождество с родителями! Обычно к четырнадцати это начинает надоедать. А Бьорн с радостью поехал к бабушке в Люсеботн, да еще и Арвета зазвал. Родители Бьорна жили в Ставангере. Отец нефтяник, а про маму Арвет ничего не знал. Они приедут только через неделю, в канун Рождества. Это здорово. Жаль, что у него таких домашних праздников не бывает.

Причал был уже близко. В домиках, широко разбросанных по долине, горели окошки, но на дороге ему так никто и не встретился. Арвет миновал поворот к кемпингу – ворота его были закрыты, и в доме администрации светилось одно окошко. Там жил сторож Рейдар. Сезон закончился, туристы разъехались, со дня на день должны были закрыть дорогу на перевал, и в кемпинге Рейдар остался совсем один. Огромное богатство сосредоточилось в его руках: сотни колышков от палаток, десятки барбекюшниц, спальников, пластмассовых кресел и удочек в пункте проката.

Фонари на причале не горели. Арвет ступал осторожнее – не хватало поскользнуться и полететь в воду. Под ногами захрустел ледок, когда он спустился к лодкам и отвязал одну из них. Сел, взялся за весла и несколькими мощными гребками отогнал лодку от берега.

Положил весла, пустил лодку по течению. Ему нужна была живая тишина воды, чтобы подумать.

...Папа развелся с мамой, когда ему было пять лет. Он переехал в Тромсё. Папа ловил сельдь и пропадал по шесть месяцев в море. В детстве Арвет ждал отца так, как умеют ждать только дети: терпеливо считая дни и наблюдая за погодой. Мама в шутку говорила, что отец приедет, когда ветер переменится. Ветер кружился, шел с севера на юг, с востока на запад, возвращался обратно, а отца все не было. Потом он появлялся – большой, заросший бородой, в куртке, пропахшей солью и рыбой. Привозил сувениры из разных городов. Ерунду всякую: фигурки лососей, троллей, оленей, стеклянные шары со снегом... Болтал с мамой, гостил день и снова исчезал.

Арвет оставался с мамой – на берегу холодного моря, в маленьком прибрежном поселке Бьеркене. Бабушка Элва жила отдельно – к ней они ездили весной. Она жила в маленьком бревенчатом домике, похожем на домик троллей из детской книжки.

Арвет кормил хлебом с солью старых бабушкиных оленей – Ярви и Гамсуна, играл с лайкой Бирки и вороном Хекке. У бабушки вообще было много живности и всяких древностей – и старинные костюмы, и сани-кережка начала прошлого века – сани в форме лодки. На таких сейчас больше туристов катают. Но к Элве и свои заходили редко, не то что

⁴ **Харальд Прекрасноволосый**, сын Хальвдана Чёрного, конунг Вестфольда, первый король Норвегии. Происходил из рода Инглингов и создал династию Хорфагеров, которая правила Норвегией до XIV века. Был мелким конунгом и, по легенде, до воцарения назывался Харальдом Косматым, так как поклялся не расчесывать волосы до тех пор, пока не объединит Норвегию. Но скорее всего так его прозвали многочисленные недоброжелатели. Умирая, он разделил королевство, а лучший удел отдал любимому сыну Эйрику Кровавой Секире (что довольно ясно характеризует наследника).

туристы. Люди относились к ней по-особому. Болтали, что Элва зналась с духами, что она была нойда – колдунья.

Больше родных у Арвета не было.

Он не жаловался на жизнь – она была обычной. Он привык.

Арвет повернулся лицом к выходу из фьорда, закрыл спиной свет от фонарей и пошевелил веслами. Лодка медленно двинулась вперед, и небо плавно потекло ему навстречу, рассыпая звезды на шелковистых волнах.

«Так странно, что и я, и Бьорн хотим стать пасторами, – подумал он. – Из Бьорна точно получится хороший священник. Он умеет ладить с людьми. Таких, как он, люди любят. А таких, как я...»

«Таких, как ты, Арвет, любят духи» – вспомнилась присказка бабушки Элвы.

В Бьеркене у него друзей не было. Он был слишком наособицу, сам по себе. Арвету нравилось одиночество, горы, море. И службы в их маленькой кирке. Иногда она казалась ему белым кораблем, который может унести его очень далеко – от этого свинцового моря, покатых гор и светлого неба. Но вместо того чтобы мечтать, как большинство его сверстников, о чудесной городской жизни, он твердо вознамерился стать священником и никуда не уезжать из родных краев. Станный он, Арвет.

Хотел стать пастором, а зубрил английский. Отец Олаф, их местный священник, не уставал повторять, – «второй язык, как вторая пара глаз – видишь в два раза больше». К словам отца Олафа Арвет прислушивался. Потому что Олаф Бергсен был единственным, кто слушал его, Арвета, размышления. Да и вообще просто слушал.

Арвет не заметил, как лодка тихо доплыла по светло-звездной дороге до другого берега фьорда. Днище заскребло по песку, по бортам застучали ветки.

Вход в пещеру закрывала решетка. Бьорн рассказал, что ее поставили после того, как на одного из туристов свалился обломок скалы, и тут же выдал местную тайну: прутья не доходят до воды, и под решеткой можно легко пролезть. Арвет привязал лодку к решетке и достал светодиодный фонарик.

Синий рассеянный свет фонаря осветил прутья, замок и черную воду. Тишина. Ни всплеска, ни движения. Если он и здесь, то затаился.

«С чего вообще дельфину заплывать в пещеру? – подумал Арвет. – Что ему там делать?»

Арвет постоял немного, пожал плечами и повернулся к лодке. Здесь ловить нечего. Хорошо, что Бьорна не взял – вот бы тот сейчас веселился. Он потянулся, чтобы отвязать лодку, и услышал слабый стон.

Глава 2

Арвет замер. Это человеческий голос!

Звук повторился.

Он кинулся обратно.

– Эй?! – Арвет просунул руку между прутьев, попытался осветить пещеру, но слабый свет фонаря не добивал до ее конца. – Кто это? Вам нужна помощь?

Слабый, едва различимый шепот.

Луна плеснула серебряным плавником, выглянула в прореху туч, сетью стянувших небо. Она словно вылила в воздух разведенного на воде молока и вернула из темноты всю плотность и необъятность скал, вздымающихся вверх. Края черного провала проступили перед ним еще четче, и Арвет почувствовал, каким холодом тянет от камня.

Ему стало страшновато.

– Я сейчас позову кого-нибудь, – не слишком уверенно предложил он. – Вы не волнуйтесь, я быстро.

Ответа не было.

Он схватился за конец веревки, примотанный к прутьям, и отпустил его.

«А если пока я буду плавать, этот человек погибнет? Я же здесь не зря. Так Господь устроил, чтобы я помог...»

Арвет проверил, как работает фонарь, на своем ли месте у пояса нож-буико – небольшой, длиной с мужскую ладонь, со слегка изогнутым вверх лезвием.

– Я к вам сейчас приду! – крикнул он в глубину пещеры и схватился за нижний ряд прутьев. Повис на них, полез под решетку.

Он не рассчитал – зачерпнул воды за воротник, но назад лезть было уже поздно, и он быстро выбрался с той стороны. Встал на ноги и запрыгал на месте – вода была ледяная.

– Держитесь, я уже близко! – крикнул он.

Парень двинулся по узкому и скользкому берегу, ведущему вдоль неровной стены. Пещера была узкой – свет касался противоположной стены – и невысокой – он едва не царапал своды макушкой. К тому же она была наполовину затоплена: небольшой каменный подъем, по которому он шел, постепенно сходил на нет.

Арвет продвигался медленно, внимательно следя, куда ступает – не хватало свалиться в воду. Воспаление легких – это совсем не то, что он хотел бы получить на Рождество.

– Вы меня слышите? Ой! – Он стукнулся лбом о выступ. Свод пещеры резко снижался.

«Нет там никого! Один я, дурак неумный! Ладно, еще немного, и поверну обратно».

Арвет пригнулся, двигаясь по стене, прошел еще немного вперед. Вытянул руку с фонариком и увидел, как в зыбком полумраке в конце пещеры что-то двинулось.

От неожиданности он едва не уронил фонарь.

– Эй... – Арвет трясущейся рукой направил рассеянный луч света.

В самом конце берег расширялся, образуя небольшую площадку. А на ней, скорчившись, как зародыш, лицом к стене лежал человек.

Обнаженная девушка.

* * *

Бьорн спустился по лестнице. Зевнул, хлопнул ладонью по животу, остановился посреди кухни и задумчиво спросил:

– А где Арвет?

– И тебе доброе утро, – Кристин коротко кивнула, не отрываясь от телевизора. Там шло раннее кулинарное вегетарианское шоу. Ведущий с азартом рассказывал, сколько полезных блюд можно соорудить из дайкона, репы и топинамбура.

– Арвет раньше меня встал. Забрал завтрак и ускакал.

– В семь утра? – поразился Бьорн. – В такую темень? Куда, интересно?

– Предполагаю, на свидание.

– Свидание? С кем? Он здесь всего три дня.

– Учись! – Кристин торжествующе ткнула сухим пальцем вверх. – Парень всего три дня, а уже девушку нашел!

– В Люсеботне свидание до восхода назначают? – спросил Бьорн. – Он пошел порыбачить. Наверняка.

– Ну, может, моя версия немного хромает, – согласилась Кристин.

– Она не хромает, она на все четыре ноги припадает.

– Уверена, что без девушки не обошлось! Молодец парень. Равняйся на него. Вот, например, Анна-Мари Петерсен. Прекрасная девочка. Кстати, послезавтра приезжает.

– Бабушка...

– Бьорни, дружок, не борись с природой.

– Не хочу даже слышать об этом! – Бьорн отвернулся.

Кристин пожала плечами и переключила канал.

– ...переходим к метеопрогнозу. В округе Ругаланн ожидается резкое ухудшение погоды. Небольшой, но активный циклон со стороны Англии уже обрушился на Ставангер и продвигается дальше. Ожидается обильный снегопад, скорость ветра составит 10 метров в секунду. Кажется, кто-то там, наверху, решил порадовать нас отличным Рождеством.

– Наконец-то настоящая зима! – обрадовалась бабушка. – А не то соплежуйство, какое я наблюдаю последние лет десять.

– Хватит ругаться.

– Смилюйтесь, отец, ибо грешна я. – Кристин заломила худые руки. – Слаба и немощна.

– Я пошел. – Бьорн залпом допил сок и вскочил из-за стола.

– Значит, отпущения грехов не будет?

Он быстро надел кроссовки, взял куртку и вышел на улицу. Но тут же вернулся и открыл дверь:

– В какую сторону ушел Арвет?

– Кажется, к причалу. Если поторопитесь, святой отец, то догоните его...

Внук захлопнул дверь.

– И без невесты не возвращайся! – крикнула Кристин.

На берегу Арвета не было. Бьорн прогулялся вдоль причала, куда подплывали паромы из Лаувика, потом дошел до дощатых пирсов, где привязывали лодки жители Люсеботна.

Под утро ударил мороз, и темные доски пирса поросли легчайшим ледяным пухом, по которому кто-то недавно прошелся тяжелыми ботинками. Следы кончались возле причала, где должна была быть их лодка. Тяжелые волны облизывали обледеневшие сваи.

«Куда он уплыл?»

Бьорн посмотрел вдаль – ни лодки, ни приятеля. С запада шли тучи. Они затягивали небо, и на Люсефьорд опускался слабый рассеянный свет, процеженный сквозь плотное полотно облаков. Свет нехотя лился в узкое горло фьорда, и, казалось, так уставал течь мимо черных скал, что едва достигал серой массы воды, угрюмо подпиравшей горы.

Ветер усиливался. Бьорн достал мобильный, набрал номер Арвета. Почти минуту слушал долгие гудки. Трубку саам не брал.

«Плохо дело, идет буря, – подумал Бьорн. – А он где-то катается. Надо сказать Кристин...»

Накинув капюшон, он быстро пошел от причала, чувствуя, как упругая ладонь ветра толкает его в спину. Ветер шел с запада и нес с собой бурю.

* * *

– Ну и где тебя носило? – Бьорн заглянул на кухню. Арвет пил чай, сосредоточенно глядел в окно – куда-то в сторону Ставангера и, казалось, вообще не заметил вопроса.

– Сейчас уже три, Арви. Ты где мотался?

– Что спросил? – моргнул Арвет. – Я задумался...

– Мы с Кристин уже хотели в полицию звонить, – сказал Бьорн. – Ты же ничего не сказал. Ушел утром, пришел только сейчас. Ты же видишь, буря идет.

– Ну, буря будет завтра-послезавтра. – Арвет поглядел на тучи.

– И где ты был?

– Плавал, – быстро сказал Арвет. – Просто катался на лодке.

– А мобильный почему не взял?

– Потому что он звонит. Хотелось побыть в тишине.

– Резонно, – согласился Бьорн. – Но ты так больше не делай. Мы волновались.

– Простите. – Арвет отставил чашку. – Не подумал. Дома я так часто ухожу, все привыкли.

– А я знаю, что ты делал, – улыбнулся Бьорн. – Ты искал дельфина, спорим?

– Искал, – согласился Арвет. – Но не нашел. Уплыл, наверное.

– Жаль. А представь, какой бы сюжет был! – Глаза Бьорна загорелись. – Ты находишь водное млекопитающее, оно лежит на берегу, почти бездыханное. Ты припадаешь к его губам... точнее, к рылу. Хорошо, к рыльцу... чтобы сделать искусственное дыхание, а оно, млекопитающее в смысле, оборачивается прекрасной девушкой. Златовласой блондинкой с голубыми глазами. Круто? А?

– Тебя Андерсен опередил, – после долгой паузы ответил Арвет. – Ганс Христиан.

– Вот же не везет. А ты куда?

– Пройдусь немного.

– Я с тобой, доем только.

– Нет! Я ненадолго, – быстро сказал Арвет, накидывая куртку. – Проветрюсь, и обратно. Ты... не ходи за мной, пожалуйста. Одному побыть хочется.

– Ты только не уплывай... – Бьорн озадаченно поглядел на закрывшуюся дверь. – Неужели он встретил русалку?

Арвет ушел недалеко. Побродил вокруг дома, зашел в хозяйственный сарай. Достал смятую пачку сигарет, вытянул одну. Покатал ее в пальцах, обминая фильтр. Потом убрал зажигалку, раздавил сигарету и выбросил пачку в мешок с мусором. Сквозь узкие окошки сарая под самой крышей пролегли столбы света, рассекая пространство надвое. Арвет шагнул вперед, окунулся в световой поток.

– Иисус всемогущий, направь меня на путь истинный, – попросил он, щурясь на далекое зимнее солнце. – Как же мне поступить с Дженни?

Глава 3

Он очнулся на болотах ранним утром от холода. Среди мхов салатového и рыжего цвета он походил на небольшой камень красновато-бурого гранита.

Он тяжело дышал, глубокие царапины на его боках и лапах запеклись свернувшейся кровью, и лишь глубокая рана на морде еще сочила белесую сукровицу.

Он лежал на боку, там, где упал во мхи, будто заводная игрушка, у которой кончился завод пружины. Перед ним снова и снова проносились образы, и он поддергивал лапами в забытии, все пытаясь спасти Ее, отстоять, справиться...

А потом очнулся от холода и жажды. Пополз к луже, пробил хрустящую пленку льда, долго и жадно лакал прозрачную воду, слегка отдававшую торфом и дымом. Отполз к нагретой во мху ложбинке, свернулся и провалился в глубокий сон.

Шесть ночей вставал и закатывался Зрачок Занахари⁵. На седьмую ночь он поймал *серую*. Растерзал пищащий комочек и проглотил целиком, едва успев извиниться перед жертвой – настолько был голоден.

Утром восьмого дня он направился обратно по своим следам – к тому страшному месту, откуда едва сумел выбраться. Он уверенно шел по этой пульсирующей нити, но даже если бы от его следов ничего не осталось, дорогу было несложно найти.

Черное облако смерти вставало на горизонте, и ветер оттуда приносил дурманящий и тошнотворный шлейф запахов сгоревшей плоти и костей. Он шел туда, где потерял Хозяйку, Ту, что дала ему имя, Ту, кого должен был оберегать.

Но там ничего не было – выжженная земля, спекшаяся до стекла, растрескавшийся от страшного жара бетон, обнаживший свой железный скелет, перекрученные балки, обрывки проволоки, мусор и много костей. Человеческих.

Запах смерти сбивал с ног и сдавливал грудь. Здесь умерло много людей, собак и созданий *Той Стороны*. Но Ее гибель он бы почувствовал на любом расстоянии.

Он покружил по пепелищу, ища любой след, когда ноздрей его коснулся едкий запах, еще более омерзительный, чем запах смерти. Так пахла *мертвая-но-живая*, которая унесла Хозяйку. Он сел и в возбуждении заколотил хвостом.

Следов остальных членов *семьи* он не отыскал. Старый, Большой, Близнецы, Волк, Наездник – все они бесследно исчезли. Но он точно знал, что никто из них не уходил по Дороге Снов, все были живы. А значит, сами справятся.

Ему же надо найти Хозяйку.

Два дня он кружил вокруг развалин, искал запах Хозяйки. Запах, составленный из сотен незаметных малостей: запаха лимонного шампуня, которым она мыла светлые волосы, мятной зубной пасты (противного зеленого цвета), мела, которым она покрывала узкие ладони, чтобы не скользили во время трюков, густого запаха выпечки и кофе с коричневыми и медовыми оттенками.

Искал, но ничего не находил. На исходе второго дня, когда солнце придавило к земле темную полосу далекого леса и согрело красными пальцами верхушки гранитных валунов, он вышел к небольшому озерцу.

⁵ **Верхний и Нижний Занахари** – два бога-творца мальгашей, племен, обитающих на Мадагаскаре. Нижний Занахари сотворил человека, Верхний вдохнул в него жизнь. Луна – глаз Верхнего Занахари, солнце – его светильник. Шесть раз вставал и закатывался Зрачок Занахари, следовательно, фосс Лас, проводник Джени Далфин, лежал без движений шесть дней после битвы на дартмурских болотах (об этом читайте в книге «Где живет колдун»).

Ржавые копыа осоки неподвижно торчали из черной воды, и ветер не колебал ее поверхности. Водная чаша лежала перед ним в распадке меж двух покатых холмов, как слепое, ничего не отражавшее, антрацитовое зеркало.

Движимый чутьем, он подступил к берегу, окунул усы в воду – будто бы собираясь пить, но на деле отмечая, как в глухой торфяной глубине зашевелились смоляные червиги. Они потянулись к нему нитями-щупальцами – ласково приглашая погрузиться в воду, ниже, глубже, заснуть и почувствовать, как холод сковывает тело и жизнь вытекает из него томительной струей.

Молниеносный удар взорвал воду – он прыжком рванулся вперед, взметнул обеими лапами липкий торф, вцепился зубами и вышвырнул на берег скользкое *нечто*. Древнее, как камни, скользкое, как корни мха, оно скорчилось под когтистой рыжей лапой, пригвоздившей его к берегу, и неслышно завопило:

– *Отпусти!*

Даже слабый, закатный свет солнца обжигал его, вечного пленника озера, верного сторожа ушедших повелителей болот, но гораздо сильнее его жгло пламя, пылавшее в этом звере.

– *Я знаю, кого ты ищешь, я укажу путь. Только отпусти...*

Голос твари слабел, и сама она исходила черным паром.

– *Говори!* – прорычал Лас. – *Говори, где она. Где Джесси?*

Болотный житель хотел жить и потому указал верный путь. Дорогой ценой он выкупил свою свободу – теперь Лас знал, где Хозяйка, и больше никогда ее не потеряет.

Он омыл лапы в ручье, чтобы избавиться от всех следов липкого обитателя дна. С наслаждением, отфыркиваясь и чихая, напился чистой ледяной воды.

И побежал быстрым размеренным шагом на восток, откуда доносилось Ее присутствие.

Мадагаскарский лев Лас-Пламя возвращался к своей Хозяйке.

– Ах ты сволочь! – Старый фермер потряс вилами и с досадой плюнул, глядя, как большой рыжий кот уносится прочь длинными прыжками. В зубах у подлой зверюги обвис молодой петушок, которого старик рассчитывал пригласить на свой рождественский ужин. – Прибью!

Продолжая ругаться, он пошел к соседу за капканом.

Но Лас уже пировал в корнях старой ивы и не слышал его. А если бы и услышал – только бы фыркнул да отряхнул перья с усов. Что он – глупее лисы, чтобы попасться в простой капкан?

Вторую неделю он шел на северо-восток. Позади остался туманный болотистый Дартмур с торфяниками и черными еловыми лесами. Лас пересек графство Сомерсет, обогнул по широкой дуге шумный и загазованный Бристоль (там был огромный порт, но лев чуял, что ему надо держать курс на северо-восток). Вокруг потянулись поля Глочестершира.

Ему здесь не нравилось. Мало лесов, много изгородей, много овец и овчарок. Вредные собаки.

Глубокие царапины затянулись, тело окрепло, а аппетит на свежем воздухе усиливался с каждым днем. Полевая жизнь закалила его, Лас вытянулся еще больше и из симпатичного голенастого и широколапного котенка превратился в безжалостного и умного хищника – мадагаскарского льва.

Его сородичи были полуночными охотниками и держали в страхе всех обитателей джунглей Мадагаскара. Если бы Лас был просто fossой, то очень скоро бы начал разорять окрестные фермы и, в конце концов, получил бы заряд картечи от разъяренного фермера или

умер в мучениях, проглотив кусок отравленного мяса. В лучшем случае он бы вписался в жизнь ближайшего городка, стал бы королем помоек и повелителем мусорных баков.

Но Лас не останавливался, а все шел и шел – ночь за ночью, все дальше на северо-восток, оставляя за собой след из разоренных курятников, растерзанных мышей или ограбленных гнезд белок. Он чувствовал, что нужен Дженни.

Глава 4

– Темнотища, глаз выколи! Зачем мы торчим в этом сугробе? Уже полночь!

– Потому что я твоя бабушка и плохого не посоветую.

– Ты мне велела следить за моим другом!

– Для его же блага.

– И увязалась со мной.

– Для твоего же блага.

– Замерз я! – страдальчески прошептал Бьорн, ерзая в снегу и поглядывая на дорогу. Фонари заливали ее белым светом. По плотно укатанному снегу Арвет шел к причалу. За его спиной качался туго набитый рюкзак.

Кристин с жалостью посмотрела на внука:

– Ну да. Парень приехал в гости, никого в округе не знает, но при любом удобном случае старается улизнуть из дома в одиночку.

– Лучше спросить у него прямо, – сказал Бьорн. – Чем устраивать глупые засады. Арвет врать не будет. Я его знаю.

– Ты не поверишь, как меняется мужчина, если дело касается женщины, – возразила бабушка, задумчиво потирая большую родинку на щеке. – Кто бы это мог быть? Анна-Мари еще не приехала...

– Он взял лодку.

– ...Хильда слишком маленькая...

– Кристин, он уплывает.

– ...значит, это Брунгильда, дочка Свенсенов! Стоп, а где Арвет?

– Уплыл.

– Довольно странно... – Кристин задумалась. – Куда это он?

– Конечно, к Брунгильде, – заметил Бьорн. – Она где-то там, в темноте бултыхается. Это же глупо, Кристин! Я отморозил все, что можно, а он просто пошел покататься.

– Да, в двенадцатом часу ночи с рюкзаком, – согласилась бабушка. – Мы все так иногда делаем. Остальные лодки у причала, а значит, никто из поселка не уплывал. Следовательно, это не свидание. Но что у него...

– Он нашел себе девушку в Форсанне? В сорока километрах отсюда? Может, тогда сразу в Ставангере или Бергене? И каждый день к ней выгребает на веслах?

– Что у него в рюкзаке? – пробормотала Кристин. – Идем! – Она схватила внука за руку и решительно потащила за собой.

– И что? – в который раз переспросил Бьорн. – Пропали старые носки, что теперь – Арвет их украл? Господи, какой в этом смысл?

– Пропали не только носки, а еще и твоя теплая рубашка, старые кроссовки, спальный мешок, пара перчаток и красная шапка, которую я тебе связала, а ты, паршивец, отказался носить, – уточнила Кристин. – А еще банка джема, упаковка хлеба и пара огурцов.

– То есть Арвет украл мои вещи? – растерялся Бьорн. – Но зачем? Мог бы попросить. Кристин пожала плечами:

– Ты бы спросил зачем. А он явно не хочет говорить. У твоего друга большая тайна.

* * *

Арвет тихо прошел по коридору и остановился возле комнаты Бьорна. Прислушался. Дрыхнет без задних ног. Он постоял немного и пошел дальше.

Арвет думал: говорить или не говорить Бьорну о находке? Он хороший парень, он его пригласил, они, конечно, не лучшие друзья... хотя могли бы ими стать. Но эта тайна, тайна дельфина в пещере, принадлежит не только ему.

«Кто вообще поверит в такое?» – Арвет прошел дальше, скользя пальцами по стене.

Под ногами тихо скрипнула половица. Дом был старый, но крепкий – Арвету он нравился. Серьезное, основательное жилище.

Он нащупал перила. Лестница. Теперь вниз. Сквозь круглое окошко в конце коридора виднелась одинокая звезда. Арвет посмотрел на нее и понял, что ничего не скажет Бьорну. Он осторожно шагнул на ступеньку вниз. Надо было быстро позавтракать и выдвигаться. И главное – не забыть удочку.

«Поймаю пару рыбешек для прикрытия. Главное, тихо выбраться».

Снизу донесся шум, хлопнула дверца холодильника, и слабый свет обрисовал предметы вокруг – кто-то включил на кухне свет.

Арвет вздохнул. И с чего Кристин так рано вскочила?

– Доброе утро. Вы рановато... – начал он и осекся.

– Пх... – Бьорн подавился куском хлеба, с краев которого сваливался толстый слой джема, – пхривет...

Разговор не клеился. Арвет пил кофе и приканчивал сэндвич, а Бьорн искоса смотрел на него.

Потом Арвету это надоело. Он отставил стакан и прямо спросил:

– Ну?

– Что? – Бьорн вздрогнул и перевел взгляд на темное стекло – там, на улице неспешно отступала декабрьская ночь, нехотя вытягивала свое длинное тело из фьорда.

– В чем дело?

Бьорн молчал. Кусая губы, он глядел в черную стеклянную пустоту, в которой отражалась их кухня: холодильник, люстра с золотыми оленями, широкий стол серого дерева, за которым сидел он и его друг. Друг, у которого есть тайна.

Не дождавшись ответа, Арвет сгрузил посуду в посудомоечную машину и пошел на второй этаж в свою комнату. Как же ему теперь улизнуть?

– Зачем тебе мои носки? – догнал его вопрос уже на лестнице.

– Какие носки? – Саам захлопал глазами. – А, понял. Прости, взял без спросу, когда ты спал. Холодина. Слушай, я не хотел говорить, но Кристин экономит на отоплении.

– Надеюсь, ты привычный, – криво улыбнулся Бьорн. – Она считает, что холод полезен для здоровья. Арви, куда ты плаваешь по ночам?

Арвет постучал ребром ладони по перилам, затем вернулся на кухню, сел напротив Бьорна.

Планы приходилось перекраивать на ходу.

– Я... кое-кого нашел, – признался он.

* * *

– Дельфин? – переспросила Кристин. – То есть все эти вещи и продукты ему нужны для засады на дельфина?

– Не для засады, а для наблюдения. Дельфин ранен. Арвет ему помогает.

– Ранен? Помогает? – повторила бабушка. – Арвет нашел больного дельфина на берегу, подарил ему твою рубашку, кроссовки и спальник и кормит хлебом с джемом?

– Да нет, одежда ему самому нужна, он же там полдня просиживает. И еда тоже для него. А дельфин не на берегу, а просто плавает в одном и том же месте. А Арвет ловит ему рыбу. Для пропитания.

– И кладет прямо в пасть... – сказала Кристин.

Бьорн обиженно заморгал белесыми ресницами.

Кристин прижала внука к себе и, приподнявшись на носках, торжественно поцеловала в рыжеватую макушку:

– Мое безгрешное дитя, в такую чушь мог поверить только ты.

– Ты просто не доверяешь людям!

– У Арвета талант – такую рождественскую историю сочинил! – Бабушка хохотала.

– Я ему верю!

– Ты очень хочешь ему верить.

Бьорн насупился.

– Ладно, – сдалась бабушка. – Пускай дельфин. Но тогда зачем он его прячет? Почему не скажет нам? Если он ранен, его должен осмотреть ветеринар, разве не так?

– Да... наверное так, – сконфуженно согласился Бьорн. – Но если не к дельфину, то куда он поплыл?

– Не знаю, милый, не знаю. Тайны, кругом тайны. – Кристин потрогала выпуклую родинку на щеке. – Интересно... Ты куда?

Бьорн натягивал куртку.

– Он еще не уплыл! – Дверь хлопнула. – Я его на пирсе поймаю.

* * *

Выстукивая дробь ботинками по мерзлым доскам, Бьорн пролетел по пирсу и спрыгнул в лодку:

– Слушай... я... в общем, тоже хочу дельфина покормить.

Арвет так и замер, с веслом в руках. Открыл рот, потом закрыл.

Бьорн отвязал конец и уселся на скамью. Угнездил в ногах пакет со свежей сельдью. И посмотрел на приятеля прозрачными глазами.

Андерсен с некоторой заминкой опустил весло в уключину и стал выгребать на глубину.

Они проплыли минут десять, когда Арвет окончательно понял, что Бьорн ему совершенно не нравится. Просто дико не симпатичный парень. Зануда. Ботаник. У них же был уговор!

– Договорились же, – проворчал саам. – Через пару дней дельфин ко мне привыкнет, и я тебя с собой возьму. А вдруг он испугается и уплывет?

– А почему ты сразу не сказал?

– Сам не знаю... – Арвет смотрел в сторону. – Не сказал, и все.

– Я думал, мы друзья.

– Друзья, – тускло повторил Арвет. Он надеялся, что такой разговор произойдет позже. Не сейчас. Дженни ждет его, а он тут...

– Раз друзья, так и скажи прямо, что случилось! – воскликнул Бьорн.

Лодку медленно повлекло вперед – это подводное течение реки, вливающейся во фьорд, зацепило ее своими прозрачными волосами, потянуло за собой. По чести сказать, если никуда не торопишься, весла нужны, лишь чтобы вернуться. Арвет вздохнул:

– Не могу, извини.

В несколько взмахов он развернул лодку и погнал ее обратно к пирсу. Весь обратный путь он старательно глядел поверх красного от злости Бьорна. Тот сопел, ничего не говорил. Копил в себе до берега.

Лишь когда лодку стукнуло о причальные сваи, он вскочил:

– Значит, ты все наврал, да? Про дельфина? Про раненый плавник?!

Арвет пожал плечами. Ни да, ни нет – понимай, как хочешь.

– Я думал, мы вместе... думал, что ты... – Бьорн пошел белыми пятнами. Выбрался на пирс и пошел домой, отрезая от дороги метры длинными шагами.

Арвет оттолкнулся от пирса и торопливыми взмахами погнал лодку вдоль скалистого берега, пока поселок не скрылся за изгибом фьорда. Переживать он будет потом. Бьорн без него проживет. А Дженни – нет.

Глава 5

Бьорн вяло разглядывал выдвигающиеся ему навстречу суровые красоты Люсефьорда. Скалы, граниты, редкие пятна зелени, схваченные седым инеем, уже застывающие с краев струи водопадов – все это он наблюдал ни единожды и особого восторга не испытывал.

«Арви... – подумал Бьорн. – Разве так можно?»

Бьорн был в растерянности. Он не знал, что и думать. Сначала он разозлился, да так, что хотел Арвета домой отправить. Завтра как раз паром приходит. Долгие проводы – лишние слезы. Примерно так он бабушке все и высказал, когда пришел домой. А в ответ схлопотал мокрым полотенцем по спине. Кристин метила в лоб, он успел увернуться.

Бабушка притащила его на причал, засунула в лодку. Лодку она одолжила у Гуннара, их соседа через два дома. Тот был не против. Еще бы! Попробовал бы он возражать. В бабушке, когда она была близка к разгадке очередной тайны, просыпалась бульдожья хватка. С усилием сто килограммов на квадратный сантиметр.

Тихо стучал электромотор, пластиковый винт бесшумно резал воду – сосед Гуннар был поборником экологии и категорическим противником загрязнения бензином Люсефьорда. Бабушка точными, едва заметными движениями поворачивала руль, и лодка скользила по волнам. А на носу, нахохлившись, в красном пуховике сидел Бьорн. И с мрачным видом простирали руку над водами.

– Ты знаешь, что когда драккары⁶ возвращались из похода, перед тем как причалить, викинги с них снимали драконьи головы? – сказал он. – Чтобы духи – хранители земли не испугались морских драконов.

– Дорогой мой, ты не тянешь даже на резную русалку, – заметила Кристин.

– Мне неинтересно, что Арвет там прячет, – повторил Бьорн.

– Зато твоей бабушке крайне любопытно. И раз уж руль у нее, будь добр, закрой рот и смотри по сторонам. Вдруг мы в дельфина врежемся. Вот будет незадача!

Бьорн отвернулся. Спорить с Кристин, впавшей в детективный азарт, было бессмысленно.

– Скажи хоть, куда мы плывем?

– По следам нашего Ромео. Есть тут одно местечко...

– Местечко? – Внук мысленно пробежался по окрестным хуторам и малочисленным рыбацким домикам. – Ты про сеттер Торвальдсонов?

Кристин молчала.

– И это твоя теория?! Кристин, там лет двадцать никто уже не живет! По-твоему, Арви взломал заброшенный дом, натаскал туда продуктов и оттуда планирует начать завоевание мира? Или... нет. Он преступно проник в закрытый дом и нашел там спящую девушку. Точно. Внебрачную внучку Торвальдсонов, которая укололась об иголку осы и от анафилактического шока впала в кому. Арвет ее, значит, поцеловал, и она проснулась. Вот он ее и кормит – за столько лет девица аппетит нагуляла немалый...

Бабушка не отвечала. Мотор стучал, лодка плыла, и эпический задор Бьорна улетучился. Он стал бездумно смотреть, как от лодки разбегаются волны. А потом его словно что-

⁶ **Драккар** (норв. Drakkar, от древнескандинавских Drage – «дракон» и Kar – «корабль», буквально – «корабль-дракон») – длинный и узкий корабль викингов с высоко поднятыми носом и кормой. Длинной драккары были от 35 до 60 метров. На носу крепилась резная голова дракона (отсюда и название), а по бортам располагались щиты. Как и все суда того времени, драккары приводились в движение веслами и парусом. Большие корабли имели до 35 пар весел и развивали скорость до 10–12 узлов (около 22 км/ч). Для подобных кораблей это была очень хорошая скорость. При этом на драккарах перевозили не только войска, но и грузы, а также пускались в дальние морские плавания. Известно, что на драккарах викинги достигали Исландии, Гренландии и Северной Америки (задолго до Колумба с его каравеллами).

то кольнуло. Он поднял голову и увидел маленькую заводь, в которой приткнулась лодка Арвета, отлогую насыпь и дом из черных бревен, прижавшийся к краю скалы. Дом с земляной крышей, уже присыпанной снегом. Рядом в расщелине гремел небольшой водопад, из каменной трубы вился дымок, и на высоком крыльце дома сидел Арвет. А рядом с ним – светловолосая девчонка.

Бабушка подвела лодку к берегу. Бьорн соскочил на камень, привязал лодку к причальному столбику. Нервно вытер руки о штаны, поднял глаза:

– Ну... привет.

Арвет стоял перед домом. И молчал. Девчонка тоже вскочила, вцепилась руками в перила. Бьорн Эгиль видел ее впервые, и это было довольно удивительно. Зимой в Люсефьорде остаются только свои, туристов нет. Откуда она взялась, с неба упала? Странная. Худая, осунувшаяся, тонкие пальцы, светлые, почти белые волосы и синие глаза. На девчонке болтался его старый свитер с растянутым горлом и арветовские джинсы.

«Лучше бы это был дельфин. – Бьорн не знал, что и думать. – Это понятней...»

– Привет, Арвет. – Кристин спрыгнула на берег. – Мы тут плыли мимо, глядим, у Торвальдсонов кто-то в гостях. Вот решили заглянуть.

Арвет оглянулся на девчонку (та молчала) и пожал плечами:

– Ну заходите.

Бьорн взглянул на Кристин. Та слегка теребила родинку на щеке. Верный признак, что Кристин чем-то до крайности заинтересована. А уж как он сам был заинтригован...

Кухня у Торвальдсонов была в старом стиле – беленый деревянный стол, простые стулья, старинный буфет из массивного дуба. Похоже, когда Торвальдсоны уезжали, они много чего оставили. Так что Арвет умудрился наладить вполне сносный быт для своей «русалки». Натаскал дров, протопил старинную печь, на ней же кипятил медный антикварный чайник и разогревал консервы.

– У нас только чай. – Арвет поставил дымящиеся чашки – какие-то нелепые, с пасторальными мотивами на пузатых боках, что-то про пастушков и овец, и подвинул тарелку с печеньем.

С коричневым печеньем, которое вчера испекла Кристин! А Бьорн еще удивлялся, как быстро его приговорили. Ну Арвет, ну молодец!

– Ты не познакомишь нас, Арвет? – Кристин с любопытством кошки, настигшей мышку, разглядывала девушку.

– Это Дженни. – Арвет привстал, подлил чаю девчонке. – Она англичанка, норвежского не знает. Давайте перейдем на английский.

Подобного Бьорн не ожидал даже от своего многозначительного товарища, поэтому арветовский чай пошел ему совсем не в то горло.

Полминуты Кристин, Арвет и эта... как ее... Дженни, сражались за жизнь Бьорна. Совокупными усилиями призрак костлявой был отогнан, «тупой внук», как некуртуазно выразилась бабушка, был нещадно бит по спине и шее и едва ли не подвешен вверх ногами. Наконец он выпрямился и вяло замахал руками, давая понять, что реанимационные процедуры более не требуются. Троица отступила и нависла над ним с выражением большой озабоченности. Спасение его, Бьорновой, жизни как-то их сблизило.

– Арви... – выдавил Бьорн, когда отдышался. – Я тебе имя придумал. Такое средневековое. Ты будешь Арвет Скупой на Правду, но Щедрый на Сюрпризы.

Кристин улыбнулась, Арвет тоже ухмыльнулся.

«Русалка», как девушку для себя окрестил Бьорн, нервничала. Он не слишком хорошо разбирался в тонких движениях девичьих душ, но даже ему это было заметно. Она сидела прямо, вытянувшись, как струна, и все водила пальцами по чашке – туда-сюда, туда-сюда. Бросала короткие взгляды то на него, то на Кристин. И молчала беспросветно.

В ней проглядывало что-то щемящее, колющее сердце, как темная синева в тающем весеннем снегу, – в наклоне головы, в коротких жестах, какими она убирала волосы за уши, в растерянной улыбке, робко проступавшей на тонких бескровных губах. Она была хрупкая, как голубой японский фарфор, и сквозь нее можно было смотреть на солнце.

Она была, как ранняя весна, которая рушит сосульки и метет метелкой теплого ветра по крышам – весна, забирающаяся туманной змеей в горло, горячая виски, заставляющая молоть чушь. Она была толедской сталью и марципанами, она была тонким льдом и километровой пропастью, говорящей на всех языках – загляни в меня, если осмелишься.

Она...

Она почувствовала, что он ее разглядывает, и посмотрела на него своими синими глазами. Всего секунду.

Бьорн моргнул и уставился в стол. Ему почудилось, что перед ним взрослая, бесконечно усталая женщина. И она чего-то смертельно боится.

– Дженни, а как ты познакомилась с Арветом? – спросила Кристин, как бы между делом подливая себе чаю.

– Я... – Девушка смешалась. – Мы с ним случайно встретились. Здесь. Я...

– Она отстала от своих. А мобильный потеряла, – вмешался Арвет. – Она...

– Я не отстала, – возразила Дженни. – Я осталась. Мы... знаете... автостопом путешествовали. Ребята хотели в Осло рвануть, а я решила здесь пожить немного. Тут здорово. Такие скалы. Тут у вас лохматых полно, как их – троллей! Вы вообще в курсе? Я столько нигде не видела. А мобильный у меня есть. Просто я с ними разговаривать не хочу. Мы... поругались.

Арвет опустил глаза, уставился на дно чашки. Он едва заметно улыбнулся.

– А давно вы в Норвегии? – допытывалась Кристин.

– Да всего-то недели две, – отмахнулась Дженни. – Сначала в Ставангере выступали, мы, знаете, фокусы уличные показываем, тем и живем. Добываем пропитание в поте. А что делать? Да я вам сейчас покажу...

Она схватила пять апельсинов и один за другим подбросила их к деревянному потолку.

– Это вообще-то довольно просто, но публике нравится, – продолжала тараторить девушка, удерживая в воздухе пять плодов разом. – Потом решили по стране покататься. А здесь поругались...

– А сюда как добрались? На катере из Форсанна?

– Ну да, – не моргнув глазом, подтвердила она. – На катере. Быстрый такой, белый.

«Какой катер? – изумился Бьорн. – Из Форсанна сюда вообще ничего не ходит». И тут Бьорн понял. Вот так Кристин! Мастер плести интриги. Бабушка тем временем углубилась в обсуждения кочевой жизни автостопщиков, выказывая недюжинное знание предмета. Кристин Эгиль, конечно, в молодости зажигала. На взгляд Бьорна, слишком уж ярко.

– Слушайте, ребята, а чего вы здесь печкой отапливаетесь? Переезжайте ко мне! – неожиданно предложила Кристин. – Места много, встретим Рождество все вместе.

– К вам? – Дженни вздрогнула.

– Отоспишись нормально, поешь, – закидывала удочку с повадкой опытного рыбака Кристин. – Душ горячий примешь.

Девушка даже подпрыгнула:

– Душ?!

– Я, дорогая, фуры тормозила, когда тебя еще на белом свете не было, – улыбнулась Кристин. – И поверь, знаю, о чем мечтает девушка после двухнедельного стопа. Так что даже не сомневайся – собирайся и поплыли мыться.

– Я... вы... – Дженни растерянно поглядела на Арвета. – Точно можно?

Тот молчал, сцепив руки под подбородком, потом чуть заметно кивнул.

Бьорн за всем этим наблюдал с большим недоумением. Что вообще их связывает?

– А вы как вообще в сеттер попали? – спросил он. – Тут же замок висел, здоровый такой.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Кристин.

– Да так, – Бьорн замялся, – проплывал мимо.

– В прошлом году? Это когда вы с Томасом тут куролесили?

– Кристин, нашла что вспомнить!

– Так мы плывем? – спросил Арвет. – А то мне печь загасить надо.

* * *

Дженни сидела на кухонном табурете, в слишком большом для нее розовом банном халате, отогревшаяся, раскрасневшаяся, тщательно вымытая во всех семнадцати шампунях, гелях и маслах, которые обнаружили в ванной Кристин. В ладонях у нее гнездилась чашка чая с жасмином, а волосы пели победный гимн чистоте. Наконец-то она могла расслабиться и хотя бы на секунду забыть о том, что случилось.

О том, как за несколько месяцев дала ощутимую трещину, а затем и вовсе рухнула ее прежняя жизнь – жизнь обычной девчонки из цирка-шапито «Магус». Сумасбродная жонглерка и акробатка, гроза всех цирковых, лучшая в деле канатоходства и нервомотания – это все она, Дженни Далфин, приемная внучка фокусника Марко Франчелли. Она ведь и не задумывалась, какая прекрасная и удивительная жизнь у нее была.

Дженни казалось, что так будет всегда. Она всегда будет репетировать номера со своими партнерами – близнецами-акробатами Эдвардом и Эвелиной, помогать деду Марко устраивать его фантастические иллюзии и аттракционы и трудиться на «ниве благородного обмана публики», как часто он говаривал. Будет перешучиваться с силачом Людвигом Ланге и его учеником Джеймсом, дразнить злого дрессировщика Роджера Брэдли, подкалывать его помощника – толстого неопрятного Калеба и прятаться от грозного ока директора цирка – Билла Морригана. Но все кончилось, когда она без спросу вошла в вольеры Брэдли, чтобы освободить загадочных зверей – ледяную химеру и мадагаскарского льва. Она заподозрила, что дрессировщик занимается контрабандой животных. Доказательства были налицо – таинственный незнакомец в вагончике Брэдли, странный разговор, животные, которых привезли под покровом ночи. Неважно, что разговор она подслушала, а животных собралась, совсем уж честно говоря, украсть – это же было ради справедливости! Она сумела выкрасть только котенка неизвестной породы. Который, правда, оказался совсем не кошкой, а детенышем экзотического зверя фоссы, больше похожего на гибрид куницы и пумы. Именно за проворство, силу и ловкость фоссу прозвали мадагаскарским львом.

Брэдли вообще питал страсть к разной животной экзотике, которая отличалась свободлюбивым нравом, – то у него во время ярмарки уползала трехметровая игривая анаконда, то улетали ручные сороки, приученные приносить часы, цепочки и прочие карманные ценности. А как-то раз Дженни обнаружила за вагончиком дрессировщика коалу на цепи. Эвкалиптовый медведь меланхолично жевал травяную подстилку, брезгливо оглядывая окружающую действительность, и в ответ на Дженнино «ой какой миленький» едва не распорол ей руку кривыми черными когтями.

Но на этот раз Роджер Брэдли привез в цирк действительно опасную тварь. Разве бы Дженни полезла в его зверинец чинить добро и творить справедливость, если бы знала, что за существо таится в герметичном металлическом ящике? Кто же мог знать, что там содержалась ледяная химера – страшное чудовище, созданное путем извращенных магических экспериментов. Наполовину это создание было полярной совой, наполовину – лемуром, называлось соволемур и обладало огромной волшебной силой.

Дженни выросла в цирке и потому была натурой трезвомыслящей. Когда она выплюнула соску, то уже твердо знала – чудес не бывает. «Какое волшебство, о чем вы говорите, у меня дедушка профессиональный иллюзионист. Все это ловкость рук и невнимательность людей», – усмехалась она. Так было до того момента, пока она не украла львенка. Откуда ей было знать, что этот маленький звереныш – антагонист ледяной химеры, сдерживающий ее магическую силу? Что его ни в коем случае нельзя уносить от контейнера с монстром? На ящике с химерой ведь не было написано – ни под каким предлогом не перемещайте в сторону от мадагаскарского львенка. Силы химеры, которые больше ничто не сдерживало, начали расти, и под утро она вырвалась из герметичной клетки.

Как назло, рядом оказался помощник Роджера Брэдли – Каледб. Он как раз решил покормить животных. Как будто не мог этим попозже заняться. Эта тварь, химера, поглотила Каледба, втянула внутрь себя и попыталась улететь прочь – к своему хозяину. К главе ковена Западной Англии, темному магу Альберту Фреймусу по прозвищу Щелкунчик.

С трудом, но Дженни все-таки признала, что колдовство существует – особенно когда увидела, как ледяная химера вызвала зиму в августе и заморозила весь цирк. Но она никак не могла взять в толк – что же темному магу нужно было от них, бедных циркачей, вынужденных кочевать по всей Британии, чтобы заработать себе на жизнь?

Оказалось, в цирке «Магус», как в русской матрешке, скрывается еще один Магус – древнее сообщество людей с особыми способностями. Когда люди стали расселяться по свету, они все чаще сталкивались с магическими существами. Их называли Первые, ведь они появились на Земле раньше человека. Люди Магуса, или Люди Договора, как они говорили про себя, были потомками древних шаманов, которые со времен первобытных племен защищали обычных людей от сверхъестественных существ: эльфов, сидов, фейри, альвов, троллей, пикси, баньши, дэвов, драконов и сотен прочих созданий. От имени людей Магусы заключили с Первыми договор.

А затем мир разделился на Внешние земли, где остались жить люди, и Скрытые земли, Ту сторону, куда ушли Первые. Они ушли через Врата фейри. Охрана этих Врат была возложена на людей Магуса, которым были дарованы особые способности. Именно с той поры люди Магуса и стали именоваться людьми Договора.

Однако были те, кому уход Первых очень не понравился. Маги и колдуны, те, кто искал власти над силами природы и много уже добился. Они не обращали внимания на Магус, их не волновали беды людей, они желали повелевать стихиями и духами. Договор между Магусом и Первыми, который разделил единый прежде мир на Внешние земли и Скрытые, подорвал основы их искусства. Они потеряли почти все. С уходом Первых из мира ушла магия, а значит, сила «темников» иссякла.

В попытках вернуть себе прежнюю силу маги увлеклись алхимией и обратились к темным ритуалам, требующим кровавых жертвоприношений. А еще они развязали войну на уничтожение против Магусов. Столетиями они преследовали людей Договора, пытаясь узнать, как же можно восстановить прежнее положение вещей, как вернуть магию. Те из людей Договора, кто выжил, вынуждены были скрывать свою суть – многие из них стали циркачами и век за веком изображали бродячих артистов.

Это длилось так долго, что почти все Магусы превратились в цирки и позабыли о своем предназначении. Время шло, с развитием науки почти исчезли и маги, и древняя вражда между «темниками» и людьми Договора вроде бы иссякла.

Мир Магусов оказался довольно сложен. Начать с того, что Магусов в мире существует едва ли не столько же, сколько стран. Были, например, отдельные Магусы Франции, Германии, Польши, Канады или Люксембурга, но при этом был единый Магус Скандинавии, балканский Магус (погибший и распавшийся. Клоун и оборотень Дьюла Вадаш, кстати, был

как раз его членом). А в больших странах – в России, к примеру, или Индии, действовало несколько Магусов разом.

Все эти локальные Магусы были равны между собой, но над ними существовал Великий Совет Магусов. Этот Совет располагался на Островах Блаженных – архипелаге Авалон, месте-меж-мирами, земле, где время почти не движется и всегда стоит лето. Авалон располагался между Внешними Землями и Скрытыми и не принадлежал ни тому, ни другому миру. Магусы Внешних Земель безмерно уважали Великий Совет, почитали невероятно и... практически о нем не вспоминали. Гораздо чаще на языке всплывала Служба Вольных Ловцов – подразделение Совета, которое занималось изоляцией и выдворением «нежелательных магических элементов», чудом сохранившихся во Внешних Землях, или же проникших с Той Стороны, из Скрытых Земель в тех случаях, когда Магусы оказывались бессильны. К оперативникам СВЛ, как и к Авалону в целом, относились без особой радости (начальству обычно никто не рад, а вольнолюбивые люди Договора в особенности). Но при этом СВЛ немного побаивались. Каждый год из Магусов Внешних Земель в Башню Дождя – резиденцию Службы Вольных Ловцов прибывали юные и трепетные стажеры – перенимать нелегкую науку отлова и выдворения магических созданий.

О втором подразделении Совета особо не говорили. Лекари Душ, обитающие в Замке Печали на одном из самых удаленных островов Авалона, наводили страх на людей Договора. Они уберегали их от самих себя. За тысячи лет Магусы постепенно очистили землю от волшебных существ и сами стали не нужны. Лишенные возможности применять свои способности, ненужные и забытые, они постепенно сходили с ума от собственной бесполезности.

Случалось, иногда кто-то переступал грань и сбрасывал маску обычного человека. Про такого говорили – он *чудит*. Эта бездна *чудодейства* таилась в каждом из людей Договора, и они лишний раз не рисковали в нее заглядывать. Иначе... Зимой распускались почки, и сквозь снег пробивалась трава, сухие листья оборачивались огромными, с ладонь, бабочками, тучи разворачивались над головой, как пергаментный свиток, и в чистом небе из крохотного облачка вырастал черный хобот смерча. Или жесткая шерсть пробивалась сквозь кожу, и острые клыки хватали воздух. Или дивная музыка плыла по улицам, и люди, оставив все дела, шли следом за ней. Вот когда наступал черед Лекарей Душ. Вольные Ловцы спасали мир от остатков волшебства, Лекари Душ – от самого Магуса.

Задолго до рождения Дженни вражда «темников» и людей Договора почти заглохла, стала всем привычна и никого давно не пугала. Пока Альберт Фреймус, один из самых сильных колдунов Британии, не решил «подставить» Магус Англии. Он загипнотизировал Роджера Брэдли и заставил подписать контракт на доставку ледяной химеры в Англию. Для чего? По контракту ответственность за доставку соволемура лежала на всех членах Магуса Англии. И если бы химера сбежала, они обязаны были бы возместить Фреймусу ущерб. Весь Магус Англии попал бы к нему в услужение.

Колдун добился бы своего, если бы не Дженни Далфин. Кто бы знал, каких усилий ей это стоило – ведь никто ей не помогал в сражении с соволемуром, кроме мадагаскарского львенка и духа Роджера Брэдли! Они сражались бок о бок с ледяной химерой, пытаясь ее обуздать. Никто не мог им помочь – все остальные члены Магуса Англии из последних сил держали *Кольцо Магуса* — магический щит, который не давал химере улететь, а ее хозяину – Альберту Фреймусу войти в пределы цирка.

Но Дженни сумела поймать химеру и освободить Калеба от ее власти, она добыла подлинное Имя чудовища и заставила колдуна признать контракт выполненным – а значит, он не мог ничего требовать от Магуса. Она победила. Исправила ошибку, которую допустила, когда освободила львенка. Только вот Калев... он ушел вместе с колдуном!

...Но Магус не сдается.

«Магус своих не бросает, – вспомнила Дженни. – Так, кажется, говорил Людвиг. Бедняга Людвиг...»

Не в добрый час они решили вернуть Калеба. Они – это ее дед фокусник Марко Франчелли, силач Людвиг Ланге, акробаты Эдвард с Эвелиной, дрессировщик Роджер Брэдли и его закадычный товарищ – клоун-оборотень Дьюла Вадаш. И еще она – Дженни Далфин. После истории с соволемуrom Дженни даже подружилась с Брэдли. Вспыльчивый и грубый, он был тем не менее надежным товарищем.

Итак, их было семеро – по числу цветов радуги. Чтобы проникнуть в тщательно охраняемую резиденцию колдуна-темника, им нужно было усилить свои способности до предела. Для штурма они выбрали ночь с 30 ноября на 1 декабря – ночь древнего праздника Самайн, когда границы меж мирами становятся проницаемы, и волшебные существа с Той Стороны, из Скрытых Земель могут проникнуть во Внешние Земли. Раз в году, только в эту ночь силы людей Магуса возрастают многократно. Однако способности темников тоже увеличиваются. Чтобы получить еще большее преимущество в бою, Марко перед проникновением провел ритуал *Малой Радуги Магуса* — объединил силы семерых людей Договора в единое кольцо. Для создания *Малой Радуги* требовались члены Магуса разных Сословий.

Она закрыла глаза, сделала глоток.

Марко всегда клал в кофе мед и корицу.

...Так было. Перед штурмом они составили *Малую Радугу*, которая увеличила их силы. Формально все члены Магусов были равны. Но на деле они делились на пять Сословий.

Первым сословием были Ловцы – профессиональные охотники и укротители животных. Ловцами были Роджер Брэдли и Дьюла Вадаш. Ловец Магуса способен подчинить себе любое живое существо – от синего кита до колибри. Разумеется, это касалось и волшебных созданий. Так, Роджер Брэдли происходил из древнего рода наездников Грифона, а Дьюла Вадаш был *зверодушцем* — представителем загадочной ветви Ловцов, которые умели принимать облик животных. Именно благодаря его урокам Дженни сумела выжить после того, как...

Она вздрогнула и начала качаться на стуле, повторяя про себя слова Марко:

«Сословие второе – Стражи. Опора и защита Магуса. Стражи – это сила, честная и прямая, без сомнений, колебаний и раздумий. Ни один человек не может противостоять Стражу. Они воины, и их задача – защищать Магус». Стражем был Людвиг Ланге.

Сословие третье – Барды. Барды – это свобода, Барды – это музыка. Они играют, и мир радостно движется им навстречу, готовый исполнить любую прихоть. И счастье, что Бардам обычно много не требуется. Иначе... сила их музыки способна обрушить крепостные стены и даже вернуть душу с того света. Бардами были Эдвард и Эвелина Ларкин.

Сословие четвертое – Властные. Им легче всего даются путешествия по Дороге Снов – удивительному месту, которое находится нигде и везде. Эта Дорога проходит через три мира – Верхний, где живут боги и духи, Средний, где обитают люди и Первые, и Нижний, где место умершим и демонам. Властные способны почти на все. Общаются с мертвыми, богами и демонами, взывают к силам природы, создают волшебные предметы и артефакты. Именно Властные владеют всеми магическими дарами Первых – *дымкой Фер Диада и кольцом Магуса*, скрывающими их от врагов, *светлым и малым сном* — иллюзиями, затуманивающими сознание обычных людей. Властным был ее дед, Марко Франчелли.

Сословие пятое – Видящие. Предназначение – неизвестно. Природа способностей и пределы сил – неизвестны. Последняя Видящая появлялась в Магусах без малого четыреста лет назад...»

Дженни открыла глаза и поглядела в окно. В темном стекле отражалась худая девушка с изможденным лицом и растрепанными светлыми волосами. Под глазами у нее легли темные круги, взгляд отдавал яркой синевой. Когда дед составлял радугу, то назвал ее Видящей. Вот как, значит, выглядит загадочное пятое Сословие?

– Как бы я хотела, чтобы это все было неправдой, – шепнула она усталой девушке. – Оказаться сейчас в Англии, в нашем вагончике. Играл бы любимый джаз Марко, я бы валялась на диване и листала бы какую-нибудь его энциклопедию. «Все тракторы мира», например, или «Повседневная жизнь динозавров». Только бы все это было неправдой...

Она не хотела вспоминать о том, что произошло после штурма, но память – злая служанка, уже потянула на свет старый фотоальбом, который она закинула в самый дальний угол. Память распахнула альбом и подсунула под нос. Смотри, мол, что вы натворили. От воспоминаний нельзя зажмуриться.

...Они ворвались в резиденцию Альберта Фреймуса, и поначалу им везло. Сила *радуги Магуса* вела их вперед. Охрана со всеми собаками, пистолетами и автоматами ничего не могла.

Чтобы быстрее найти Калеба, они разделились. Так получилось, что Дженни вместе с Ласом, мадагаскарским львенком, отыскивали его первыми. Но Калеб отказался уходить. Нес чушь про то, что не может бросить здешних зверей, что ему жалко химеру. Эту тварь, которая едва его не сожрала!

Ох, как Дженни разозлилась. Предал их Калеб или просто с ума сошел – ей было все равно. Она бы увела его силой, она бы смогла. Но тут появилась... Маргарет. Убийца, с которой она столкнулась незадолго до этого, от которой чудом спаслась. Мстительная сумасшедшая социопатка Маргарет. Что она делала в особняке Фреймуса? Как она превратилась в чудовище, как стала ходячим мертвецом, в чьем теле поселилось скопище черных пауков-демонов? Дженни не смогла совладать с ней.

Штурм закончился провалом. Дженни попала в руки Фреймусу и рассказала ему все, что знала о Магусе. Какая разница, что он вколол ей сыворотку правды? Предательство все равно остается предательством.

Но и это не важно. Все погибли! Все, кроме нее! Ведь Магус своих не бросает, они обязательно пришли бы за ней. Раз не пришли... значит, никого из них нет в живых. Значит, и ей жить незачем.

Так она думала, когда Калеб освободил ее. Да, именно Калеб. Очень странный парень, этот Калеб Линдон.

«Я не могу вывести тебя из замка, – сказал он тогда, – потому что мы на острове. Но я выведу тебя из камер».

Почему он так поступил, что его ждало – ведь он нарушил планы своего хозяина, всемогущего колдуна-темника Альберта Фреймуса, – Дженни не думала. Ей было все равно. Она просто хотела в последний раз увидеть небо, вдохнуть свежий воздух и навсегда забыть обо всем.

Дженни прыгнула. В бурлящую бездну, в ревущую пасть пенного зверя моря, почуявшего свежую кровь. Она хотела умереть. А вышло так, что она обернулась дельфином.

Что произошло в тот краткий миг, пока она летела вниз, в ледяные воды Северного моря? Из какой глубины ее существа возник этот облик, как она сумела за несколько секунд найти его и подчинить себе? На это уходят годы, как объяснял Дьюла, и никому из *зверо-душцев* еще не удавалось обернуться водным животным.

Она с трудом вспоминала, что происходило в море. Черный ужас гнал ее от берегов Англии в безумии, в беспомощности, в забытии животного облика. Все казалось сном, и с каждым днем все больше расплывалось в нечеткости.

«Дьюла бы объяснил, что творится с памятью, когда ты находишься во *втором* облике...»

Тонкая игла пробила грудь. Дженни выпрямилась, замерла, боясь лишним движением растрезожить боль в сердце.

О чем она?!

Нет больше Дьюлы. И Роджера. И Ласа. И Эдварда с Эвелиной. И Людвиг. И даже Марко нет. Есть только она. Одна. И Альберт Фреймус со своими чудовищами...

– Что с тобой?

Дженни поглядела на Арвета. Слабо улыбнулась:

– Не волнуйся. Все хорошо.

Если бы не Арвет, она бы погибла. Там, в этой пещере... Она несколько раз приходила в себя и вновь теряла сознание – от холода, боли и страха. Будто все ужасы, от которых она бежала, настигли ее разом. В этой тьме не было спасения, не было покоя, не было тепла – только мертвящий ледяной камень и шелковый шепот воды.

Ей казалось, что она кричала и плакала, звала во все горло, но на деле лишь слабо хрипела. Чернота затекла в горло и пропитывала легкие, как смола, тьма душила ее, и сердце Дженни билось все медленней. А потом появился синий огонек. Она потянулась к нему, кто-то поднял ее на руки, и Дженни поплыла сквозь тьму – уже не страшную тьму, согретую теплотой чужого дыхания.

Это был Арвет.

– Все путем, – повторила она. – Сквозняк, наверное.

Арвет поднялся, прошел к двери и закрыл ее плотнее. Сел у окна, постукивая пальцем по стеклу.

Дженни улыбнулась. Арвет – он чудной. Совсем другой, не такой, как ребята, которых она раньше знала. Может быть, потому что он из этого северного кочевого народа. Дженни про саамов раньше и не слышала. Если бы не он, она бы погибла. Замерзла насмерть.

...Она не сразу поняла, где находится. Пыльные покрывала, полная темнота, только по потолку гуляют красноватые всполохи. И тепло. Дженни разлепила спекшиеся губы, засипела, к ней качнулась тень. Край чашки ткнулся в губы. Чай с медом. Она жадно осушила чашку и провалилась в жаркий сон без сновидений.

Арвет уплыл. Припыл с утра, снова протопил печь, потом снова уплыл, а она все спала. Дженни проснулась уже ближе к вечеру. Сквозь окно лился холодный синий свет. В этом свете в пустой комнате медленно кружились пылинки. Печь остывала и чуть слышно потрескивала. Спросонья она полезла наружу. И чуть не умерла от ужаса. На ней не было одежды. Совсем!

И тут на Дженни накатило. Она вспомнила сразу все. И начало всех злоключений, историю с химерой, и бессмысленный, отчаянный бой в Дартмуре, и сухие прикосновения ходячих бумажных мертвецов, чудовищ, пахнущих сладкой гнилью. Вспомнила Калеба, замок Фреймуса на острове. И прыжок в соленую бездну, в кипящую зеленую мглу. Ей стало так больно, что она снова захотела умереть. Как тогда, на каменном бортике, перед лицом бушующего моря.

Дженни плакала долго и беззвучно, роняла слезы в шерстяные покрывала, а сумерки накрывали ее густеющей синевой. Пока не устала, пока горе не притупилось, не ушло с соленой влагой. Тогда она завернулась в одеяла и отправилась бродить по дому. Каменная, обожженная цветными изразцами печь еще держала тепло, но пол уже остыл. А за порогом комнаты было совсем холодно. Дженни отыскивала носки – явно мальчишеские, скучного серого цвета, и, шатаясь, как кошка после наркоза, стала исследовать обиталище.

В доме давно никто не жил. Слабеющий свет лился в окна. Ежась, она обыскала кухню, перерыла старинный буфет, разные кухонные шкафчики. Немного посуды. Коробки со столовыми приборами. Старинный медный чайник.

Вооружившись чайником, она заглянула в прихожую, но тут же сбежала – слишком уж сильным сквозняком тянуло от двери. Дженни задумчиво изучила свежие грязные отпечатки ботинок на полу, потом на нее напал чих, и она торопливо вернулась в комнату. Подкинула пару поленьев в багровеющие угли и села у окна.

Оттуда открывался чудный вид: зеленый склон, уже присыпанный снегом, круто уходил вниз, к широкой реке. Справа и слева от дома выступали черно-серые скалы, поросшие мхом. Скалы поднимались высоко – Дженни так и не смогла разглядеть вершин. Где-то за домом шумел небольшой водопад и ручьем стекал по ложу из обкатанных черных валунов. На той стороне реки поднималась и исчезала в тумане сплошная каменная стена.

Где она? В Шотландии? В Канаде? В Новой Зеландии? Папуа – Новой Гвинее? Что это за дом? Кто ее принес сюда? Сколько прошло времени с момента побега с острова Фреймуса? Знает ли эта сволочь, что она жива? Ведь если колдун догадывается, то наверняка отправил за ней погоню. Дженни пробила крупная дрожь.

Нет. Она погибла. Дженни Далфин утонула. Никто не будет ее искать, потому что у нее нет родных и близких. Пускай Альберт Фреймус делает что угодно – выращивает монстров, убивает людей, разрушает Магус, захватывает мир, ей все равно. У нее никого не осталось. Кроме нее самой.

Печка потрескивала, дрова разгорались. Хотелось есть, но в доме не было ни крошки, если не считать высохших мух на подоконнике. Дженни вздохнула, уставилась в окно.

Водопад монотонно шумел. По воде бродила легкая рябь, и изредка расплывались легкие круги – это снизу к текучей границе между рекой и ветром приникали губами рыбы.

Неожиданно у нее возникло чувство, что в комнате есть кто-то еще. Она резко обернулась. Из угла посверкивали два колючих огонька. Слишком высоко для крысы или кошки, но слишком низко для любого человека. Разве что ребенок... но у детей глаза желтым не светятся.

– Здравствуйте, – тихо сказала Дженни.

Огоньки сверкнули, из угла на неверный вечерний свет выкатился лохматый клубок. Где у него ноги, где руки, где голова, было не разобрать, края клубка будто текли и расплывались. Он фыркнул, прокрутился юлой и выдал длинную стрекучую фразу на каком-то неизвестном языке.

Девушка подобралась, запахнула одеяло:

– Слушайте, не надо нервничать...

Пыльный ежик подпрыгнул и разразился настоящей пулеметной очередью из возмущенных фраз. Девушка секунд десять смотрела на него, а потом сообразила. Она нажала на уголки глаз возле переносицы и посмотрела на клубок *ясным взором*.

– Ой... – Девушке стало неловко. – Извините, я сразу не догадалась, что вы с *Той Стороны*.

Перед ней стоял насупленный старичок в серых штанах до колен, красных чулках и вязаной шерстяной куртке. На голове у него красовалась красная же шапка. Руки дедушка имел длинные, как у гориллы, и в данный момент нервно теребил край чулка.

– Ты, ведьма, с Островов, что ли? – уже на вполне внятном английском проскрипел старичок.

– Я из Англии. – Дженни полегчало. Первый контакт с местным, правда, потусторонним населением установлен, аборигены выглядят... неопасно. – И я не ведьма. Меня зовут...

– Вот ведь глупые ведьмы стали, – пробормотал старичок. – И наглые. Вламываться в чужой дом без спросу – мыслимое ли дело!

– Да не ведьма я! Я Дженни. И не надо ругаться, я сама не знаю, как тут оказалась.

– Как-как, ясное дело как. Тебя этот оленевод притащил. Ключ он нашел! Не для него положено, нечего и доставать!

– Кто-кто притащил?!

Старичок обратил на нее свои глазки-буравчики:

– А ну выметывайся отсюда, ведьма! Дуй к себе на Острова!

– Что вы на меня накинулись?! – Дженни запахнулась в одеяла. – Куда я пойду? У меня одежды нет. И я не ведьма.

Старичок подпрыгнул, всплеснул ручками и забегал по комнате – быстро-быстро, так что девушка едва могла за ним уследить. Периодически он останавливался перед ней и гневно вопрошал:

– Значит, не уйдешь?!

Дженни качала головой, и дедушка снова принимался нарезать круги. В возбуждении он забегал на стены и даже пару раз пересек потолок.

За окном темнело, комната все больше освещалась багровым светом, льющимся из приотворенной печной заслонки. Мечущийся по потолку домовый (а кто это еще мог быть, рассудила Дженни) являл собой неприятную картину.

«А ведь мне тут ночевать», – подумала девушка. Ей стало не по себе.

– Стоп! – замахала она руками. – Притормозите, дедушка! Давайте поговорим!

Старичок остановился и неожиданно спокойно согласился:

– Ну говори...

Дженни вздохнула и начала:

– Во-первых, я не ведьма...

– Что ты врешь? – возмутился старичок. – Зачем? Какая тебе в том выгода? Ты же меня видишь!

– Вижу.

– А сама человек?

– Человек. Но я...

– Значит, ведьма, – подытожил старичок. – Видали мы таких невинных. Я заблудилась, дедушка, я просто искала нашу овечку – а потом хват твой гребень, или шапку любимую, или кольцо драгоценное, и выкуп требуют. Откуда ты взялась?

Дедушка разбушевался и, кажется, увеличивался в размерах. Глаза его источали неприятный желтый свет, клочковатая борода мелко тряслась. Девушке стало и смешно и противно. Она столько прошла, чтобы оказаться неизвестно где в компании со злобным домовым.

– Уходить она не желает! Я тебя вежливости научу, водоросль заморская!

Дженни поднялась, пошла к выходу. Противный домовый зудел в спину торжествующей скороговоркой, а на душе у Дженни было беспросветно темно. Да, ей никто уже не придет на помощь. Но хотя бы гордость у нее еще была. Такого обращения терпеть она не будет.

Девушка распахнула дверь и спустилась с высокого крыльца. Ступила на снег в одних носках. Холодный ветер прошелся наждаком по лицу, плечам, ноги миглом промокли.

– Одеяла, так и быть, забирай, нищенка, – от широты души разрешил домовый. – И рядом не околачивайся, лети на Острова коров портить. Ишь, повадились тут. И чтобы твой оленевод и близко к дому не подходил!

Дверь захлопнулась.

Холод поднимался от уже озябшей земли, полз по телу, подбирался к сердцу. Она села возле говорливого водопада, прислонилась к валуну и закрыла глаза.

От водопада тянуло сыростью. Девушка беззвучно заплакала, и ее слезы добавляли влаги в этот сырой, уже слепнувший вечер. А потом струи водопада разошлись, и оттуда

вышел кто-то большой и черный. Грузно переваливаясь и булькая при каждом шаге, подошел, сел рядом. Дженни даже не взглянула на него. Ей было все равно, что еще за существа здесь водятся.

– Выгнал? – спросил незнакомец.

Девушка слабо кивнула.

– А ты стерпела... – изумился черный без тени сочувствия.

– Я одна осталась, – невпопад ответила Дженни. – Все погибли, а я осталась.

Они помолчали немного, потом черный продолжил, роняя слова, как капли:

– Одна – это плохо. Некому помочь, некому заступиться. Только за тебя не надо заступаться. Этот ниссе⁷ молодой еще. Он всего лет двести здесь живет. Он таких, как ты, и не видел никогда. А я видел. Очень давно. Я сразу почуял, как ты приплыла сюда.

– Где я? – спросила Дженни. – Что это за страна?

– Ты потерялась. – Это был не вопрос, а утверждение. – Я помогу тебе. Ты мне старые времена напомнила. Веселые времена, громкие.

Черный поднялся. Дженни впервые посмотрела на него. Незнакомец весь был вода и бешеные брызги, он был безумный полет воды с километровой высоты и неутомимая сила, сметающая камни и точащая скалы. Он был дух водопада⁸, дух бесшабашный и веселый. Он достал откуда-то из набегающей струи прозрачную, будто стеклянную, скрипку и тронул смычком струны.

– Славные были времена...

Черный исчез, растворился в темноте скал, но водопад вдруг сбился со своего извечного ритма. Дженни услышала музыку. Дикую, древнюю. Музыка льда и голых скал, на чьих обкатанных серых макушках танцуют северные ветра, музыку воды, бьющей себе путь сквозь снега и заносы, чтобы добраться до края пропасти и со смехом низринуться вниз – в теплые долины и узкие ущелья. Музыка луны, заливающей своим молоком горные луга и выстилающей дорожки троллям, идущим в потаенные замки. И музыку солнца, золотящего горные пики и своим прикосновением превращающего жителей ночи в причудливый камень.

Дженни слушала, и внутри все туже закручивалась злая пружина, пока, наконец, эта музыка не подбросила ее на ноги. Она нагнулась к ручью и *властным* прикосновением вынула одну белую струю, одну струну из волшебной скрипки. О нет, она не *просила*, как учил ее дед, она *требовала!* По праву лишенного дома, по праву обиженного, по праву Видящей Магуса.

Вода подчинилась. Плеть изогнулась в руке, белая плеть пузырящейся воды, и Дженни, легко взмахнув, снесла верхний ряд камней на печной трубе. Те с шумом рассыпались по земляной крыше, труба с хрустом накренилась на один бок. Дженни взмахнула еще раз, распорола скат крыши, выворачивая дерн. Вниз посыпались чахлые березки и пожухлая трава.

Окно распахнулось, оттуда воинственно выставилась бороденка.

– Ты что делаешь?! – завопил ниссе-домовой. – Ты что творишь?!

Девушка хлестнула по стене дома, и ниссе кубарем улетел в глубину комнаты. Музыка звенела все громче, все быстрее, и дух водопада хохотал за ее спиной:

– Славные времена...

⁷ **Ниссе** – это норвежский домовый. Как и все домовые, занимается тем, что оберегает дом и хозяйство. Дом, из которого ушел ниссе, быстро ветшает и разрушается. Кроме домовых ниссе, еще есть корабельные, рождественские, лесные и даже церковные ниссе.

⁸ Он же **фоссегримм**. Дух, известный необычайно искусной игрой на скрипке. В старину скрипачи, желавшие достичь мастерства в музыке, могли упросить фоссегрима обучить их игре на скрипке. Если музыкант приходился по нраву буйному духу водопада, то он мог даже подарить ему волшебную скрипку. Если же нет, то пусть ваше воображение дорисует вам эту печальную картину.

Сердце Дженни звенело от веселой ярости и вторило ему:

– Громкие времена...

– Это ты! – Сухонький кулачок мелькнул в окне. Голову ниссе благоразумно не высовывал. – Это ты... ее подучил!

Девушка еще раз ударила по стене, и дом задрожал.

Ниссе завизжал, как поросенок. Он вопил, что маленького ниссе может обидеть кто угодно, что, прежде чем входить в дом, надо спрашивать разрешения, что скоро Рождество, а ему никто так давно не дарил ни понюшки табаку, ни кусочка шерсти, что в гостях нельзя грубить, а надо вести себя вежливо, а бить хозяев могут только невоспитанные грубиянки, которых воспитали какие-нибудь дикие пикси с Островов. Да какие пикси, свиньи их воспитали.

Дух водопада гулко хохотал.

– Сейчас дом по бревнышку раскатаю, – пообещала Дженни, и ниссе тут же умолк.

Музыка стихла.

– Впустишь гостью в дом? – громогласно поинтересовались из водопада.

– Пущу! Только пусть она перестанет его ломать, – плаксиво потребовал ниссе. – Уже вон бревно треснуло.

Дженни вернулась к ручью, разжала кулак, и водяная плеть легко втекла в ложе ручья:

– Спасибо.

– Ты меня повеселила. – Брызги водопада на мгновение сложились в черную фигуру. – В наших краях туго с развлечениями. Одна забава – этого дурака дразнить.

– Сам такой! – истерично выкрикнул ниссе. – погоди, замерзнешь, я из тебя зимой сосулек нарежу!

– Как есть дурак, – прогудел дух водопада. – Говорят, если головы нет – это не лечится. Спихну твой домишко весной во фьорд, и все дела. Надоел.

– Не посмеешь! Сам от одиночества отупеешь, язык забудешь, слизью покроешься!

Девушке надоело слушать эти препирательства, очевидно, происходившие уже не в первый раз. Она вернулась к крыльцу, не без опаски потянула дверь, но ниссе ее игнорировал. Дженни подала плечами, прошла в комнату, туго набила печку дровами – хорошо, что после ее удара по трубе та не чадила, и легла спать.

А поздно ночью приплыл Арвет с продуктами, и они проговорили часа два, не меньше.

Глава 6

Вечерело. Сверху сыпался дождь – мелкий, частый и надоедливый. Серая морось растеклась киселем по гавани, облепила здания, прижалась к блестящему асфальту, осела на дорогой машине у причала. Массивная черная туша на толстых шинах, она полчаса назад неслышно вырулила из каких-то портовых закоулков, прокралась к пирсам и остановилась. Фары были погашены, но мотор еле слышно урчал, так что машина походила на сытого зверя, ждущего хозяина. Водителя за тонированными стеклами было не разглядеть.

Из туманной болтушки, залившей весь порт, вынырнул небольшой белый катер, сбавил ход и подошел к пирсу. Матрос в дождевике бросил швартовочный конец мужчине в грубой штормовке, топтавшемся на причале. Через минуту катер заглушил двигатель и притерся к старым покрышкам на краю пирса. Матрос перебросил трап через борт и перебрался на пирс.

– Погодка отвратная. – Он пожал руку коллеге. – Сейчас бы немного скотча. Что думаешь, Фарид?

– Можно, Карл. Кто шефа сопровождает?

Матрос поморщился:

– «Мертвая королева» и «маугли».

– Ну и рейс.

– Не то слово... – начал Карл, но тут же осекся.

По трапу сошли два человека – девушка в светлом плаще и юноша лет четырнадцати.

Карл поежился.

Эта девушка появилась в Гнезде, в островной резиденции Альберта Фреймуса, в начале ноября. С ней еще двое... таких же. Как их зовут, никто не знал. Пересекаться с ними никому не хотелось. Бледные до синевы, с пустыми белыми глазами, эти «мертвяки» редко выходили из своего бокса в самом верху Гнезда.

Второй пассажир из свиты шефа, мальчик, к машине не торопился. Компания «мертвой королевы» его тоже не прельщала. Он медленно шел под дождем, глядя на темную воду, исходящую пузырями.

Это была еще одна загадка – мальчишке лет четырнадцать, а весу в нем, дай бог, на десять. Худой, как щепка, бледный. Глаза дерзкие, злые и холодные. Поговаривали, что этот мальчишка и «мертвяки» – единственные, кто уцелел во время бойни в Дартмуре, кроме Хампельмана.

«Парень непростой, – подумал Карл. – Взять хотя бы штуки, которые он со зверьем вытворяет. Точно «маугли».

Последний по трапу спустился Альберт Фреймус.

– Катер остается здесь, – распорядился он. Поддернул воротник пальто, мазнул по матросам взглядом серых глаз и пошел к машине.

– Да, сэр.

Карл дождался, пока машина, прострелив фарами сумерки, не исчезла, и повернулся к Фариду:

– Ну что, в паб?

* * *

– ...пригород Бристоля. Складская территория 1274, это зимняя квартира цирка «Магус». Отыщешь фокусника Марко Франчелли. Ты с ним сталкивалась. А Кaleb его знает с молодых ногтей. Да, малыш?

Мальчик отвернулся от стекла, за которым проплывали портовые улочки. Казалось, он за чем-то пристально следил – за чем-то, что могли уловить лишь его льдисто-серые глаза.

– Да.

– Вы передадите ему...

– Мистер Фреймус, мне там обязательно надо быть?

– А как же? Ты мое вундерваффе⁹, как выразился бы мистер Хампельман. Сердце старика Франчелли не выдержит – он ведь так хотел освободить тебя. Так сильно, что пожертвовал внучкой. А ты ему напомнишь об этом трагическом моменте.

– Я должен быть вместе с ней?

– Ты превысил норму вопросов на три года вперед, – заметил Фреймус.

– Еще два. Последних. Когда мы отправляемся и кто будет передавать послание мистеру Франчелли?

– Выезжаете завтра, говорить будет Маргарет. Кaleb?

– Тогда остановите, я хочу прогуляться. Один.

Альберт Фреймус смотрел на мальчика долго. Он будто ощупывал его своими прозрачными глазами, как муравей усиками дохлую гусеницу. Кaleb невозмутимо ждал. Глава ковена поднял трубку связи с шофером и распорядился:

– Гарри, притормози.

Кaleb открыл дверь и вышел во влажные зимние сумерки. Машина мигнула габаритными огнями и исчезла за поворотом, унося впавшего в глубокую задумчивость колдуна и «одержимую» Маргарет.

Кaleb огляделся. Он был где-то в недрах порта, посреди старых пакгаузов и складов. Мальчик энергично растер бледные ладони, поднес их ко рту и выдохнул. Большая снежинка заискрилась в редком свете фонарей и полетела в темноту переулков, разгораясь тусклым синим светом. Кaleb пошел за ней следом, утопая по самую прилипшую ко лбу челку в поднятом воротнике пальто.

Синяя искра-снежинка вела сквозь узкие проулки, почти щели, пролегшие меж выщербленных кирпичных стен. Кaleb зажег ее не для того, чтобы лучше видеть – он находил путь в темноте с легкостью филина. Так он хотел обозначить свое присутствие. Это был не фонарь, а маяк. Сигнал – «я здесь». Для того, кто ждал в темноте.

Кaleb почувствовал его, едва катер причалил к берегу. Там, в холодной липкой ночи, наступавшей на порт, бродил Враг.

Мальчик сначала не поверил, но сомнений быть не могло – да, это давний Враг. Давняя тень ледяной химеры, ее вечное отражение. Враг рвал темноту огненными отпечатками лап и жарким пламенем зрачков, он кружил по городу, словно его терзал неутолимый голод. Или жажда.

Жажда мести.

Именно поэтому Кaleb вышел из машины. Он должен встретиться с Врагом раньше Фреймуса. Он... ему должен. Ради его хозяйки.

⁹ Wunderwaffe – чудо-оружие (нем.).

Искра лениво заплыла за угол и с треском погасла. Калевб сжал липкие ладони в кулаки и шагнул вперед. В темноту уходила стена шершавого темно-бордового кирпича, на которой плясал белый узор граффити. Из глубины переулкa выкатилось низкое рычание. Это был голос крупного и очень злого зверя.

– Здравствуй, Лас, – сказал Калевб, глядя в пылающие глаза.

Однажды прихожу домой,
Был трезв не очень я!
В конюшне вижу лошадь я,
Где быть должна моя!

Сегодня пятница, и потому Джимми Два Пенса выбрал маршрут номер два – от «Якоря» к «Пяти колокольчикам». Штормило его существенно, на пути вставали предательские стены, мусорные баки и фонари бросались на него из-за угла, но Джимми свое дело знал и упрямо держал курс на далекую вывеску паба, сияющую путеводной звездой.

Своей хорошенькой жене
Сказал с упреком я:
«Зачем чужая лошадь там¹⁰,
Где быть должна моя?»

Он как раз собирался затянуть куплет, где жена советовала бессовестному пьянчуге протереть глаза и научиться отличать лошадь от коровы, когда из узкого переулкa плеснуло слепящим светом и волна холодного воздуха ударила его в грудь.

Ноги у Джимми разъехались, и он рухнул на землю:

– Господи Иисусе! Война началась?

Джимми поднял глаза, и под вязаной шапкой у него зашевелились остатки седых волос. В переулке сошлись два чудовища. К стене прижалась какая-то образина, похожая на пернатую обезьяну. Передними лапами эта тварь царапала асфальт, пасть ее, растянувшуюся на половину морды, распирало от острых клыков, а глаза были больше подставок под пивные кружки и пылали бешеным синим огнем. Чудовище распахнуло крылья – каждое размахом с простыню – и скребло ими по стене. По полупрозрачной, как у медузы, плоти чудовища пробегали голубоватые огоньки – будто внутри у нее неоновая подсветка.

Сияя, как новогодняя елка, образина прыгнула вперед, бодая темноту уродливой башкой, но тут же отлетела назад. Противник был ей под стать. Не давая летучей обезьяне отойти от стены, в переулке кружила огромная кошка – то ли пума, то ли тигр, Джимми в породах этих зверюг не разбирался. Даже на трезвую голову и при ясном свете дня он не отличил бы оцелота¹¹ от манула¹². Зато в темноте он прекрасно видел, что по золотой шкуре этой тигропумы блуждают огоньки пламени.

¹⁰ Александр Дольский, «Четыре ночи», народная ирландская песня.

¹¹ **Оцелот** – дикая кошка средних размеров, обитающая в Америке. Название происходит от ацтекского tlalocelotl – «ягуар полей». Оцелот гораздо меньше ягуара, длиной от головы до хвоста полтора метра. Высота животного – 50 сантиметров, а вес до 16 кг. Оцелоты очень красивы, у них желтовато-коричневый мех с черными кольцеобразными пятнами, а брюхо и подбородок окрашены в белый цвет. Уши черного цвета с крупными белыми точками на задней стороне. Из-за своего меха нещадно истреблялись, из-за чего сейчас находятся на грани вымирания.

¹² **Манул**, или же палласов кот (в честь немецкого натуралиста Петера Палласа, который открыл манула на побережье Каспийского моря в XVIII веке) – дикий кот, обитающий в наших прикаспийских степях, в Центральной и Средней Азии, от Южного Закавказья и западного Ирана до Забайкалья, Монголии и Северо-Западного Китая. По-латыни манул называется *Otocolobus* (дословно «уродливое ухо»), что не лишено правды, поскольку из ушей у манула торчат пучки удлиненных волос. Поскольку у манула есть еще и длинные пучки шерсти на щеках (баки), в целом у него вид мрачного боцмана в

Поминая богородицу и всех апостолов, Джимми поднялся на ноги, и в этот момент лед и пламя схлестнулись вновь. Грозовой раскат и молния повергли Джимми обратно на землю, и бродяга, поскуливая от ужаса, тихо пополз назад, резво перебирая стариновскими косточками. Внезапно они стали ему очень дороги.

— Дева Мария и угодники, я завязываю...

* * *

Стена была холодная, твердая и очень шершавая. Опираясь об нее содранными ладонями, чтобы подняться, было больно. Хотелось лечь у стены, завернуться в черноту теней. Но Кaleb встал. Сильно кололо в левом боку, и пальцы слипались от крови. Так много крови, такие острые когти.

— Лас... Я хочу поговорить!

Лев хлестнул по бокам длинным хвостом — о чем, дескать, с тобой говорить, предатель?!

— Ее нет на острове, — не сдавался Кaleb. — Тебе не надо туда. Я отпустил ее, и она прыгнула в море. Сама, Лас, сама! Ты слышишь?

Лас шагнул ближе, почти касаясь своими пышными усами лица мальчика. Из узкой пасти веяло жаром, искры бродили по шерсти, и влага с мостовой испарялась под его лапами.

«Почему он не возвращается в обычную форму? — Калеба шатало. — Откуда у него столько сил?»

Близость антагониста выматывала химеру — она скорчилась внутри него, мальчик чувствовал, как дрожит ее холодный комок у него под сердцем. Острые клыки качались перед глазами, и Кaleb цеплялся взглядом за их жемчужный блеск, боясь упасть в черноту.

— Я не мог вывести ее с острова! Она прыгнула в море! Она... она погибла...

«Так просто она не может погибнуть».

Горячий выдох овеял его лицо, и Кaleb зажмурился. Когда он открыл глаза, Ласа уже не было.

Мальчик отлепился от стены и облизал пересохшие губы. В голове у него стучало: «Дженни жива?!»

отставке. Размерами манул с домашнюю кошку, длиной полметра, весом до 5 килограммов. Тело массивное, лапы толстые и короткие, шерсть густая, характер прескверный. Интересно, что зрачки глаз у манула, как и у некоторых кошек (например, львов), не щелевидные, а круглые, как у человека.

Глава 7

«Звезда Севера» заканчивала загрузку. Старший помощник капитана Эрик Стурлсон наблюдал за тем, как последний контейнер опускают в трюм. Матросы отсоединили тросы, и грузовой кран на мачте отвернул стрелу.

Можно было задраивать трюмы и отправляться. Эрик непроизвольно зевнул – вчера они гудели до двух ночи, и голова с утра варила плохо. Тем не менее старпом¹³ прошел по палубе, проверяя в сотый раз крепеж палубного груза – двух громадных контейнеров, которые не прошли в трюмы. А потом Эрик поднял голову и увидел, как мимо пробежал огромный кот – раза в полтора больше обычной домашней кошки.

Зверюга сверкнула янтарными зрачками и усакала по служебной лестнице вниз, в трюмы.

Стурлсон флегматично почесал жесткую рыжую щетину.

«Кошка – это неплохо, – после некоторого раздумья решил он. – Тем более такая здоровенная. Крыс на судне развелось до черта, трех последних кошек они просто сожрали. Давно пора дератизацию провести».

Он пошел к кормовой надстройке, застегивая штормовку – с неба сыпался мелкий, типично английский дождь. Через полчаса «Звезда Севера» вышла из гавани английского порта Гринсби и взяла курс на норвежский город Берген.

* * *

– ЧТО вы сделали? – переспросил директор цирка «Магус» Билл Морриган.

– Шестеро членов Магуса Англии под моим руководством в ночь Самайна осуществили силовое проникновение на территорию резиденции главы ковена Западной Великобритании Альберта Фреймуса, – повторил Марко и помахал листом бумаги. – Здесь все подробно изложено.

– Людвиг, это правда? – Директор нащупал стул и осторожно сел.

Страж Людвиг Ланге кивнул – было, мол, проникновение. Силовое. Он уселся на маленьком стульчике у стены и вытянул ноги на половину вагончика.

– Так... – Директор извлек из-под стола трость и приложил резной набалдашник белой кости к виску. – И зачем же?

– С целью освобождения незаконно удерживаемого Калеба Линдона, – процитировал Марко обширную, о десяти листах, записку.

– Этого мелкого, который ходил в помощниках у Роджера Брэдли? Его же сожрала химера.

– Ты прекрасно знаешь, что химера его не съела, а подвергла насильственному симбиозу, – поправил фокусник.

– Да, знаю, – сказал Морриган. – Но это очень глупая затея.

– Билл, все по минутам расписано в отчете. Подлинность доклада я заверил. У тебя не будет проблем с Авалоном.

– Конечно. Какие проблемы могут быть в Замке Печали? Все проблемы останутся за его порогом, – заметил директор. Он повертел трость перед глазами, наблюдая за игрой света на набалдашнике – оскалившейся львиной голове, и поинтересовался:

– И где же он?

¹³ Старший помощник командира корабля. Первый заместитель командира, его правая рука и прямой начальник всего экипажа.

– Кто?

– Мальчишка. Кaleb Линдон. Вы ведь его искали в дартмутском замке Фреймуса?

– Мы не смогли его забрать.

– Что же вас остановило? – Яда в голосе Морригана было предостаточно.

– Билл, все написано...

– Нет, поведай, дорогой коллега, как могучий Марко Франчелли решил потряхнуть стариной и загнал шестерых членов Магуса, включая свою внучку, в ловушку! Расскажи об эпической битве, достойной древней славы Магусов, с порождениями тьмы. Вы же не позорно бежали от обычных охранников? Раскрой причины, по которым ты полез в драку с одним из сильнейших темников!

С каждой фразой Билл Морриган поднимался со стула все выше, опираясь на трость.

– Потому что Магус не бросает своих, – выронил Людвиг Ланге. – Мы добровольно примкнули к Марко. Мы сами выбрали этот путь.

– Путь? – с горечью переспросил Морриган, садясь. – Это очень короткий путь, Людвиг. Я скажу, чем он закончится – для тебя, для него, – директор ткнул тростью в сторону Марко, – для всех вас. Спасательной командой с Авалона. Руками Лекарей Душ он закончится! Мы можем выбирать себе камеры в Замке Печали – это единственное, что от нас теперь зависит. Я в Бристоле слышал отголоски того, что вы натворили в Дартмуре! Слухачи Авалона наверняка заметили *хоровод фей* и *дымку Фер Диада*. Оперативники СВЛ уже высаживаются в Англии!

– Скорее всего, – согласился Марко. – По протоколу они уже должны начать развертывание. Даже странно, что ребят еще нет. Но когда они появятся, их больше заинтересует феникс. После него от дартмутской резиденции Фреймуса ничего не осталось.

– У Альберта-Щелкунчика был феникс?!

– У него был целый экзопарк. В том числе феникс. Судя по всему, еще птенец, лет четырех. Когда мы вломились в замок, Брэдли открыл клетки...

– Это в духе Роджера, – сказал Морриган. Он задумчиво постучал пальцами по столу. – Феникс – это хорошо. Он там все выжег, концов не найдешь. Но что случилось? Почему вы не привели Калеба? И где остальные?

Марко вопросительно поглядел на Людвига. Тот принялся расстегивать рубашку. Морриган молчал, пока не увидел иссиня-черный отпечаток ладони на правой ключице силача. Он весь подобрался и напрягся:

– Это рука Хель?!

– Она же рука демона, или черная печать, – спокойно подтвердил Ланге, застегивая рубашку.

– Мы составили Малую Радугу, – сказал Марко. – Прошли охранный периметр под землей. У нас был элементаль Земли. Прошли подвал и первый этаж. Разделились для поисков Калеба. Охрана была в панике и серьезного сопротивления не оказывала. Наконец Дьюла учуял Калеба. Но мы столкнулись с одержимыми.

– Этого не может быть.

– Редкий случай множественной одержимости малыми демонами Тартара.

– Нет, Марко, этого быть не может.

– Мы вступили в бой с тремя одержимыми, – подтвердил Людвиг. – Очень сильными.

– Нет, – повторил директор. – Просто невозможно.

Людвиг и Марко молчали. Билл Морриган со вздохом растер руками лицо:

– Марко, ты понимаешь, что это значит?

– Отчетливо. Он захватил Дженни.

– К чертям твою внучку! – взревел директор и хлопнул ладонями по столу. – То есть прими мои соболезнования, но ты сам виноват. Появление одержимых означает, что Фрей-

мус сумел обойти Договор и достучался до Той Стороны. Он сумел пройти в Скрытые земли. Ты понимаешь, чем это грозит?!

– Если честно, Билл, сейчас мне все равно. Щелкунчик забрал Дженни. Я верну ее любой ценой.

– Ты помнишь, что было двадцать лет назад? – спросил Морриган. – Когда ты явился на порог моего цирка. Ты помнишь, что с тобой случилось тогда?

Марко помедлил с ответом:

– Никогда не забывал.

– А мне кажется, забыл. Иначе бы не творил таких глупостей. Итак, первое – мы люди Договора, люди Магуса, и мы не вступаем в конфликты с колдунами, ведьмами, алхимиками, магами и прочими людьми, вставшими на тропу Темного искусства.

– Потому что в прошлом такие попытки нам дорого обошлись, – заметил Марко. – Нас едва не уничтожили за то, что мы заключили Договор с *Первыми*, за то, что мы перекроили мировой ток стихий, за то, что мы убрали магию из мира – каждый взрослый член Магуса это знает. Многовековое преследование со стороны темников так испугало Людей Договора, что с тех пор мы прячемся и убегаем при малейшей опасности.

– Лучше быть живым волком, чем мертвым львом.

– В оригинальном варианте был шакал.

– Триста лет назад мы достигли хрупкого равновесия с темниками, – продолжил директор лекцию, не обращая внимания на иронию Франчелли. – Великий совет заключил соглашение. Если вы не забыли, джентльмены, то у Магусов есть своего рода выборное правительство – Великий Совет Магусов, который располагается на Авалоне¹⁴.

– Неплохое местечко, да, Марко? – улыбнулся Билл. – Уж ты-то должен знать.

– Мне там никогда не нравилось. Не люблю яблоки.

– Это дело вкуса. По мне – прекрасный фрукт. Итак, Великий Совет Магусов заключил с колдунами соглашение...

– Точнее, сделку.

– Это вопрос терминологии. Соглашение было настолько простым, что даже вы его поняли бы. – Билл тяжело поглядел на фокусника и атлета. – Мы не трогаем колдунов, они не трогают нас.

– Воздействие на нашего Ловца, попытка подставить наш Магус, внедрение чужеродных магических предметов – я имею в виду зеркало, в котором укрывалась химера. Его подменили при доставке, – сказал Марко. – Все эти действия Фреймуса трудно описать словами «не трогает».

– Первое, что надлежит делать в подобных экстраординарных ситуациях – извещать Авалон, – сказал Морриган. – Для этого и создана Служба Вольных Ловцов – правая рука Великого Совета. Сто отборных, прекрасно подготовленных Стражей, Ловцов, Бардов и Властных, располагающихся в Башне Дождя. Они способны урегулировать любую ситуацию. Нам только нужно было улучшить момент и вызвать СВЛ. И все было бы улажено. Марко, ты это прекрасно знаешь!

– Да, сто отборных Ловцов, я слышал. Стиль изложения очень похож на официальные бумажки Авалона.

¹⁴ **Авалон**, Эмайн Аблах, Острова Блаженных, Счастливые острова, Остров-который-здесь-и-нигде. Место между этим миром, Внешними землями, Скрытыми землями (Той стороной). Эти острова, «числом трижды по тридцать три», не принадлежат ни миру эльфов, ни нашему миру. Они находятся везде и одновременно нигде, и поэтому достичь Авалона невозможно и в то же время – очень просто, так как он может оказаться в любой точке планеты. Время течет на Авалоне очень медленно, «как густой мед сквозь горлышко песочных часов», и люди, попавшие туда, живут очень долго. На этих островах спит легендарный король Артур, именно сюда увезли меч Эскалибур после мнимой смерти Артура. И поныне на архипелаге Авалон обитают *Первые*, по разным причинам не ушедшие в Скрытые Земли, и различные волшебные существа – такие, например, как птица Гамаюн.

– Смешно, но неразумно. Как и все, что ты натворил за последнее время. У Великого Совета есть и левая рука – Лекари Душ из Замка Печали. Те, кто приходит за людьми Магуса, забывшими свое место в этом мире. За теми, кто сорвался в *чудодействие*, кто угрожает безопасности всех людей Договора, кто может раскрыть тайну их существования, приходят они...

– «Пиявки», – сказал Людвиг Ланге.

Директор кивнул:

– Лекари не слишком жалуют это прозвище. Но это правда. Они выпьют вашу силу, а все, что останется, зашвырнут в самую темную келью Замка! О чем мы вообще ведем разговор? Это же прописные истины. Как вам вообще подобное могло прийти в голову!

Франчелли бросил отчет на стол:

– До свидания, Билл. Передай бумаги СВЛ.

– Скажи мне, Марко, а как пропала Дженни?! – прищурился Морриган. – Как получилось, что ты остался жив и здоров, а твоя приемная внучка досталась колдуну?

Марко потемнел.

Директор удовлетворенно кивнул:

– Так я и думал. Надо отдать должное – выживать ты умеешь. Пусть и ценой родных людей. Кто из нас хуже, Марко Франчелли, Властный Магуса Англии? Я, который не хотел подвергать опасности жизнь десятков людей ради одного дрянного мальчишки, или ты, не пожалевший единственную внучку?

– Тебя там не было, – хрипло отозвался фокусник. Воздух в вагончике будто сгустился. – Иногда стоит помолчать, Билл...

– Это мой дом и мой цирк. – Директор Морриган медленно встал, положил трость на стол. – Ты и правда намерен помериться силами?

– Билл, Марко... – Людвиг Ланге подтянул ноги. – Спокойно, джентльмены.

– Слушайте внимательно, мистер Франчелли. Я должен обратиться к Авалону и задержать вас до прибытия спецотряда. Как только вы покинете пределы цирка, я так и сделаю, – холодно сказал Морриган. – Авалон обязан знать об одержимых. Учтите, в трибунале я вас защищать не буду. Потому что вас найдут – всех, по одному. В любой щели. Куда вы забьетесь, как тараканы. Это лишь вопрос времени.

– Кто сказал, что я буду прятаться? – спросил Марко.

– Я на твои похороны не приду – там хоронить будет нечего, – вынес вердикт директор после короткого молчания. – Хочешь начать личную войну с «темниками»? Валяй. А вот тебе, Ланге, лучше всего сдать прямо сейчас. Возможно, я выхлопочу особые условия.

Людвиг взглянул на фокусника и только развел руками:

– Прости, Билл.

– Глупо... – поморщился директор.

Изящный хрустальный колокольчик на откидном столе, который директор приспособил под офисные нужды, вдруг издал тонкий, переливчатый звон.

Билл озабоченно поглядел на него:

– Кто-то у ворот. Не просто человек...

Людвиг стремительно поднялся. С визгом застегнул молнию куртки. Марко накинул пальто, посмотрел на директора.

– Это не Авалон. – Директор отогнул жалюзи, поглядел на улицу. – Это хуже. Ты был прав, Марко. Классический случай *stata fixataque cognitio*¹⁵. Вот уж не думал, что увижу своими глазами. К сожалению. А рядом... Калев Линдон. Полагаю, это делегация от господина Фреймуса.

¹⁵ *Stata fixataque cognitio* (лат.) – научное название состояния одержимости злыми духами.

Директор не успел договорить, Франчелли распахнул дверь и выскочил на улицу. Следом выскочил Людвиг.

Дверь захлопнулась. Билл Морриган сел за стол, бессмысленно повертел ручку, раздраженно бросил ее. Тщательно отлаженный быт Магуса Англии решительным образом летел в Тартар ко всем циклопам¹⁶ и гекатонхейрам¹⁷.

¹⁶ **Циклопы**, или киклопы, по-древнегречески «круглоглазые». Старшие циклопы – это дети Геи и Урана, Арг-Сияющий, Бронт-Громовой и Стероп-Сверкающий. Циклопы из старшего поколения богов, Зевсу они приходились двоюродными дедушками. Они выковали Зевсу громы, молнии и перуны, которые тот метал в титанов. Аиду они выковали шлем, а Посейдону трезубец, научили Гефеста и Афины ремеслам. Однако верная служба их не спасла, старших циклопов перебил Аполлон после того, как Зевс убил его сына Асклепия той самой молнией, которую выковали циклопы. Из младшего поколения циклопов наиболее известен циклоп Полифем, сын бога моря Посейдона, который на беду себе решил перекусить корабельной командой царя Одиссея. Как именно Одиссей его наказал, рассказал слепой певец Гомер в одноименной «Одиссее».

¹⁷ **Гекатонхейры** – также дети Урана и Геи, братья циклопов, сторукие, пятидесятиголовые великаны. Надо заметить, что у Геи с Ураном получались на редкость обаятельные дети. А гекатонхейры Бриарей, Котт и Гигес были настолько обаятельны, что даже их отец Уран сразу после рождения заковал их и заключил в недра земли. Также были освобождены Зевсом для войны с титанами. Именно их участие склонило чашу весов на сторону олимпийцев. После победы Зевс поручил им сторожить железные врата Тартара, куда были заключены поверженные титаны. Можно представить, насколько был расстроен Билл Морриган...

Глава 8

– Ты что задумала? – Бьорн встал рядом с креслом-качалкой, где сидела Кристин, закутавшись в шерстяной плед.

– Пока не знаю. – Кристин выдохнула дым, и тот повис красивым синим облачком в морозном воздухе. – Смотри, какой у неба цвет. Завтра придет буря.

– Что ты будешь делать? – не отставал внук. – Ты же знаешь, что из Форсанна никогда не ходили катера. Получается, Дженни врет. Зачем?

– Все может быть. Странная девочка. – Кристин зажала губами длинный черный мундштук и затянулась. – Она действительно англичанка, судя по акценту. Но как она здесь оказалась... Как, она сказала, ее фамилия? Дженни Лонгман? Таких девушек тысячи в Англии.

– Ты это к чему? Хочешь сказать, она и про фамилию соврала? Но зачем?

Бьорн решительно ничего не понимал, а бабушка не спешила ему облегчать задачу. Вот и сейчас она задумчиво посасывала мундштук, смотрела, как закатывается солнце. Небо было чистым и ясным, и лишь на горизонте клубились низкие тучи. Иссиня-черное варево, облитое алым светом заходящего солнца, наползало с запада, словно там, далеко в небе, душил солнце в объятиях исполинский дракон.

– Идет буря...

Иногда на бабушку нападало подобное меланхолическое настроение, особенно после удачного расследования какой-нибудь тайны. Бьорн пожал плечами и вернулся на кухню.

Кристин услышала его срывающийся ломкий голос – внук принялся травить какие-то исторические байки и всячески сверкал эрудицией перед Дженни. Хрупкая красота загадочной подруги Арвета уязвила его сердце.

– Любовь – это хорошо... – пробормотала Кристин. – А вот попытки суицида – очень плохо.

От ее глаз не укрылся шрам на запястье Дженни. Она не обмолвилась ни словом ни Бьорну, ни Арвету об этом, но было похоже, что девушка резала себе вены. Ее история внушала большие сомнения.

В последние две недели никаких туристов в районе Люсеботна не было. Кемпинг не работает, дорога закрыта. На зимнюю рыбалку удобнее ехать в Берген или на Лофотены. А их поселок ближе к зиме превращается в настоящий медвежий угол для пенсионеров норвежской энергетической отрасли – ведь почти все в Люсеботне работали когда-то на местных гидроэлектростанциях.

Как Дженни сюда попала? Есть ли у нее документы? Как она проникла в сеттер Торвальдсонов? Этот старый дом изредка использовали как рыбацкий домик, но Кристин точно помнила, что две недели назад, когда она проплывала мимо на пароме, дверь была плотно закрыта.

Впрочем, это не так важно. Час назад Кристин зашла на сайт Интерпола и изучила список пропавших в Англии детей за последний год. Дженни Лонгман – она же Дженни Далфин, взглянула на нее своими невозможно синими глазами с четвертой страницы списка. Она сбежала из дома, как Кристин и предполагала. А вдобавок за ней числился целый психиатрический букет – склонность к суицидам, социопатия, повышенная агрессия, стремление манипулировать окружающими.

Если бы девочка просто убежала из дома, Кристин бы еще крепко подумала, надо ли сообщать о ней? На вид ей не меньше четырнадцати, а в таком возрасте уже можно о себе позаботиться. Да что говорить, разве Кристин сама не удрала в шестнадцать из дома с гитаристом школьной рок-группы? И хотя гитарист отвалился уже в Германии, она-то добралась

до Калифорнии! Так что не ей судить. «Кому же тогда? – возразила сама себе женщина. – Я знаю, что ей нужна помощь. Неужели я просто пройду мимо?»

Конечно, она не прошла.

Кристин уже отправила письмо ее опекуну и теперь раздумывала, не стоит ли сообщить в социальную службу. Да, наверное, это не будет лишним. Иногда детей приходится спасать помимо их собственной воли, вздохнула Кристин и достала мобильный.

* * *

Вечер удался. Кристин вступила в голову идея украсить дом к Рождеству в американском духе – с гирляндами на террасе, елкой во дворе и прочими декоративными излишествами. Оказалось, что все у нее подготовлено и требуются лишь рабочие руки. Пока ребята развешивали игрушки и гирлянды, Кристин соорудила пирог с консервированной черешней и безалкогольный глинтвейн из виноградного сока. И они закатали пир.

Несмотря на полное отсутствие в напитке алкоголя, ребята разошлись не на шутку – выгребли весь редкий снег во дворе и потратили его на снежки, потом уселись играть в древнюю «Монополию», которую выкопала бабушка (и она, надо сказать, всех обобрала до копейки). Потом они играли в шарады, и Кристин травила байки из своего богатого хипповского прошлого.

Уже за полночь отправились любоваться луной – Кристин заявила, что завтра начнется буря, и ясное небо они не увидят до Рождества. Молодежь усомнилась и подвергла метеорологический опыт старшего поколения едким насмешкам, но Кристин стояла на своем – будет буря. Причем немаленькая. И вытащила-таки всех любоваться на причал. Ночное светило они созерцали недолго – ровно столько, сколько потребовалось Бьорну, чтобы свалиться с пирса в воду.

Дар итальянского солнца – виноградный сок ударил ему в голову, и будущий пастор вздумал поразить сердце Дженни чем-нибудь эдаким. Например, пройтись колесом по причалу. Трюк удался. Такого головокружного полета, как призналась девушка, она еще не видела.

Хохотали они так, что сторож Рейдар выскочил из своего домика. Извлекли Бьорна из воды, после вся буйная компания, окончательно перебудив всех жителей Люсеботна, вернулась домой, где Бьорн был немедленно высушен и переодет.

– Все, ребята. Баста! – заявила Кристин. Арвет заметил, что Дженни почему-то вздрогнула при этом слове. – Вы из меня все соки выжали. Я пошла спать. Вы тоже не засиживайтесь.

Они остались втроем. За овальным столом из светлой березы, под люстрой с золотыми оленями на стеклянном абажуре.

– Красиво, – сказала Дженни, поглядев на нее. – Олени под деревом.

– Это мифологический мотив, – поспешил заметить Бьорн. – Олени под мировым деревом. Знаешь, в скандинавских мифах рассказывают о дереве Иггдрасиль, которое является центром Вселенной. Ветви его находятся в обители Богов-асов Асгарде, ствол проходит в землях людей – Мидгарде, а корни уходят в подземное царство Хель. И их грызет дракон по имени...

– Нидхег, – с грустной улыбкой закончила девушка. – Я знаю.

Бьорн смешался:

– Да? А ты знаешь, что викинги завоевали половину Англии, Франции и доплывали до Сицилии и Америки?

– Ни капли в этом не сомневаюсь, – серьезно ответила Дженни. – Если они были хоть каплю похожи на тебя, мир был обречен.

– Да ну тебя!

– Нет, я правда так думаю. Тебе пошел бы рогатый шлем.

– Да не носили они таких шлемов, это потом художники придумали. Крылья там всякие лебединые, и прочий полет валькирий.

– Неужели? Арвет, ты что думаешь?

Арвет поднял серые глаза от салфетки, на которой чертил карандашом. Дженни смеялась, волосы ее, распушившиеся после душа и активного отдыха, торчали в тщательном художественном беспорядке, и румянец покрасил бледные щеки.

– Арвет...

– Олени на люстре недостоверные.

– Недостоверные! – фыркнул Бьорн. – Хотя да, в отношении оленей Арви большой специалист. Может, форма ляжек и неточно передана. Так это же символ, а не копия!

– Я знаю, что такое символ, – холодно ответил Арвет. – Но в этом рисунке нет души. Тот, кто его нарисовал, ни разу не приближался к живому оленю. Как можно передавать суть того, чего ты ни разу не видел?

– Полная чушь! – громогласно заявил Бьорн.

Арвет не ответил.

– Вот! – торжествующе поднял палец Бьорн. – Безгласен ты и нем, аки рыба, ибо слабый свет твоего скудоумного разума не в силах найти лазейку в моих логических построениях.

Он победно взглянул на Дженни, но та, казалось, была равнодушна к его триумфу – она смотрела в окно. Глаза ее были полны неясной тревоги. Но Бьорн этого не заметил. Он поерзал на стуле. Арвет спокойно рисовал, Дженни смотрела в окно, и молчание затягивалось. Оно ширилось между ними, как круг, и граница этого круга, будто упругая стена, выталкивала Бьорна. За столом стояла тишина, и она принадлежала лишь этим двоим.

– А хотите пива? – Бьорн вытащил козырь из рукава. – У меня есть заправка.

Арвет коротко мотнул головой.

«Что он там царапает?» – возмутился Бьорн.

– Нам же больше достанется, – заметил он. – Джен?

– Я тоже пас, – ответила девушка.

– Ну как хотите! – Бьорн надулся. Он притащил две банки, с хлопком распаковал одну, закинул ноги на стол и принялся дуть пиво, поглядывая на Дженни с Арветом, как ковбой в салуне. Тощие ноги Бьорна в тапочках возлежали на столе, а верхняя часть с трудом балансировала на высоком табурете, так что ему пришлось опереться спиной на холодильник. Положение его было весьма шатким – во всех смыслах.

Бьорн пил жадно и неумело – пиво то и дело выхлестывалось из банки, било ему в нос и капало на футболку. Но он старательно, в ураганном темпе прикончил первую банку и распаковал вторую. С непривычки дурной хмель накрыл его почти мгновенно.

Арвет закончил набросок и протянул Дженни. Скупыми точными движениями на листке было передано дерево – его огромный ствол уходил в небеса, и облака путались в кроне. А под деревом, запрокинув головы и объедая листву с нижних ветвей, стояли два оленя – крупный широкогрудый самец с ветвистой короной рогов, и самка – тонкая и стройная. Дженни почему-то знала, что олени белоснежные, с легким кремовым оттенком, шерсть у них мягкая и густая, а языки горячие и шершавые. Глаза у них золотые, а темно-зеленая листва дерева тихо звенит на ветру.

– Можно я себе оставлю? – тихо попросила она.

– Конечно.

– Ну-ка! – Бьорн ревниво перегнулся через плечо Дженни, обдав ее пивным выхлопом. – Арви, да ты талант. Какой пастор, тебе надо в дизайнеры идти. Будешь люстры разрабатывать – с аутентичными оленями. Этник стайл!

– Арвет, ты хочешь стать пастором? – изумилась Дженни. – Священником? Ты?

– Ага... – Бьорн покровительственно похлопал друга по плечу. – Арвет отринул пути неправедных, узрел свет и решил нести слово Христово в темные массы своих соплеменников.

Саам неуловимым движением сбросил дружескую руку с плеча и поднялся.

– Что, разве не так? – рассмеялся Бьорн.

Арвет посмотрел на него с большим сомнением:

– Бьорн, не пей больше, ты не умеешь. – Он вышел на улицу.

– А ты умеешь? – поинтересовался Бьорн. – Эй, Джен, а ты куда?

– Правда, ты зачем напился? – Дженни пожала плечами и вышла вслед за Арветом.

– Ну и валите! – обиженно буркнул непутевый внук Кристин Эгиль.

«Смешно. – Арвет стоял в сарае. Лунные лучи пластовали темноту на толстые ломти. – Ведет себя, как молодой олень».

– Не бери в голову. – Дженни встала в дверях. – Напился.

– Это странно. Для Бьорна...

– Только не говори, что он не пьет пива!

– Он вообще не пьет. В первый раз таким его вижу.

Дженни зашла внутрь:

– А здесь что?

– Хозяйственный сарай Кристин. Для всяких инструментов. Тут у стены скамейка, садись.

Они помолчали.

– Слушай, я еще раз хотела... Спасибо тебе, в общем.

– Ты сказала неправду, – решился, наконец, Арвет. – Как ты там оказалась. И мне и Кристин. Никакой катер тебя не привозил. Как ты оказалась в пещере? Я буду молчать. Мне можно верить...

– Я никому не могу верить.

– Шутишь?

– А что, похоже?

Арвет задумался:

– Ты не обижайся. Бывают такие девочки – ведут толстые тетрадки в черных тонах. И пишут туда записи вроде «никому нельзя верить, мир ужасен, я несчастная и одинокая, меня никто не понимает». Их утешают, а они ходят и стеноют...

– Моего приемного деда звали Марко Франчелли, – перебила Дженни. – Его убили. Убили всех моих друзей. Я была циркачкой, но мой цирк был... не совсем цирк. То есть совсем не цирк. Я сбежала. От страшного и опасного человека. И очутилась здесь, в Норвегии. Как именно очутилась – неважно. Важно, что меня могут искать.

– Кто?

– Не Санта-Клаус. Теперь я нужна только моим врагам. Ну, и еще миссис Томпсон из отдела семейного образования. Но эта тоже не по разряду друзей проходит.

– А полиция?

Дженни рассмеялась – искренне и безнадежно:

– Тех, кто меня ищет, не остановит даже армия.

– Ты же из цирка. Кому ты понадобилась?

– Ты не поверишь. Я бы сама не поверила раньше.

– Скажи честно, что просто смылась из дому и боишься возвращаться. Я тебя не выдам. Дженни молчала.

«Обиделась, – подумал саам. – Ну какие убийства! Ну что она придумала?! А может быть... какой-то подонок поиздевался над ней и выбросил за борт?!»

Арвета пробрал холод. Это все объясняло – и ее появление в пещере, и странные истории. Она просто не хочет думать о том, что реально с ней произошло, вот и придумала себе фантастический мир, примерила романтическую роль отверженной изгнанницы. К тому же этот шрам на запястье. Очень похоже, что Дженни резала себе вены. У нее настоящие проблемы!

– Слушай, давай так. Поверить в это трудно, но я попробую. И точно никому не выдам.

– Спасибо и на том.

– Я серьезно.

– Да я верю.

Разговор увял. Дженни сидела тихо, как мышка, Арвет не знал, как продолжить.

«Нелепый разговор, – подумал он. – Какие убийцы? Где? В Люсеботне?»

– Ну ладно, – примирительно сказал он. – Что дальше делать будешь?

– Не знаю. Постараюсь выжить.

Она вздохнула.

– Не понимаю, что делать дальше. Вот я в Норвегии, а зачем? Куда мне теперь идти? Кому я нужна?

– Обещаю, все будет хорошо, – нашел слова Арвет. – Все твои беды за морем остались. А здесь мы что-нибудь придумаем. Поедем ко мне в Финмарк, я научу тебя кататься на северных оленях. Ты когда-нибудь на них каталась?

– Нет, – помотала головой Дженни. – Никогда. Только в книжках видела.

– Ну вот, – обрадовался Арвет. – Сядешь в кережку – это сани такие, на лодку похожи, в руки шест, и вперед.

– К Санта-Клаусу в гости?

– Скорее уж к Оле-Лукойе. Так у нас его зовут. Познакомлю тебя с бабушкой Элвой, говорят, она настоящая колдунья.

– Да ладно. Кто говорит?

– Ходит молва, – уклончиво ответил Арвет, жалея, что затронул эту тему. Про бабушку он предпочитал не распространяться.

– Твоя бабушка – ведьма, а ты хочешь стать пастором? – шмыгнула носом девушка. – Хорошая история.

– Чушь это, – сердито отмахнулся Арвет. – Ты не представляешь, насколько саамы суеверны. До сих пор! Двадцать первый век, а они всерьез верят в колдовство.

– А ты не веришь?

– Конечно нет! – воскликнул Арвет. – Эту ерунду и обсуждать нечего.

– Ну да, верно. Какое колдовство... – согласилась девушка. – Ты счастливый человек. Все у тебя ясно и понятно.

Дверь распахнулась, в дверях возник Бьорн. Икнул и схватился за косяк.

– Ребята, ну куда вы ушли... – обиженно сказал Бьорн. – Я обыскался.

– Шел бы ты, Бьорни, поспал, – вздохнул Арвет. – А то несет от тебя... Кристина по головке не погладит.

Бьорн фыркнул:

– Да ну ее. Это она тебя выследила.

– Это понятно. Бьорни, давай спать, а?

– А ты как? – неуверенно спросил парень. – Тут... посидишь?

– Я тоже спать. – Арвет поднялся. – Пойдем, пастырь душ человеческих.

– Смеешься. – Бьорн качнулся. – Конечно, чего не смеяться... надо мной...

– Перестань, – мягко сказал Арвет. Он обнял норвежца за плечи и повел к дому. – Все, Бьорни, пошли. А то завтра Кристин устроит тебе личный армагеддон¹⁸.

Уже на пороге дома Арвет обернулся. Дженни сидела на скамье. Руки у нее лежали на коленях, и лунный свет бледными пятнами выхватывал их из темноты.

– Не было никакого катера из Форсанна, – грустно сказал Бьорн, когда Арвет тянул его вверх по лестнице. – И автостопщиков не было. Зачем вы все это придумали?

Арвет промолчал.

* * *

На зиму цирк «Магус» арендовал несколько площадок на огромном складском комплексе в пригороде Бристоля. Кусок огороженного сеткой пространства, пара небольших ангаров и минимум посторонних. Их соседи – цыгане были людьми нелюбопытными и в чужие дела нос не совали. Циркачи к ним тоже не лезли – ну воруют люди машины и разбирают их на запчасти, у всякого свои способы поддерживать существование в этом лучшем из миров. Персонал из обычных людей разъехался на рождественские каникулы, и в «Магусе» оставались только люди Договора. Только подлинный Магус.

Билл Морриган подыскал хорошую зимнюю стоянку. Во-первых, если кто-то из его собратьев в очередной раз свихнется и начнет *чудить*, то его можно будет быстро утихомирить без лишних и ненужных свидетелей. А во-вторых, территория, которую арендовал цирк, представляла собой неровный круг и легко закрывалась всеми способами защиты, доступными Магусу.

Августовский инцидент с ледяной химерой сильно растревожил директора. С тех пор кольцо Магуса висело над цирком постоянно. Именно поэтому визитеры замерли у распахнутых ворот. Девушка в светлом плаще до колен неподвижно стояла, не пытаясь перейти незримую границу. Взлохмаченные каштановые волосы, бледная, почти прозрачная кожа, выцветшая, стершаяся до белизны радужка, почти слившаяся по цвету с белками глаз. Игольчатые точки зрачков, посиневшие изрезанные губы. Одержимая...

В мальчике рядом с ней – в темном строгом пальто, бледном и худом, с запавшими глазами Марко едва узнал Калеба. Фокусник остановился в метре от линии ворот.

– Это он, – сказал Калеб. – Это Франчелли.

Одержимая повернулась к Марко, наклонила голову.

– У меня послание от мистера Фреймуса, – прошептала она. Воздух с легким шипением выходил из ее легких, и казалось, ей едва хватает сил, чтобы выталкивать слова. – Для Марко Франчелли.

– Слушаю.

– Мистер Фреймус готов забыть недоразумение в Дартмуре и предлагает вам взаимовыгодный обмен.

– Какой?

– Свобода вашей внучки в обмен на Синюю печать Магуса.

Марко посмотрел на Калеба. Тот не шевелился, только рука с зонтом слегка подрагивала. Мальчик смотрел перед собой, не встречаясь взглядом ни с Марко, ни с Людвигом.

Марко не ответил. Одна из семи печатей Магуса – это не личная собственность Марко Франчелли, это достояние всех Магусов и единолично распоряжаться такими вещами он не имеет права. Он обязан защищать ее ценой жизни.

¹⁸ Армагеддон – место последней битвы добра и зла.

А вот Калеб молчит явно со смыслом. Что-то он хочет сказать. Хочет, но не смеет при этом существо.

– У вас три дня на принятие решения, – сообщила одержимая. Она извлекла из кармана конверт, протянула его. – Мистер Фреймус свяжется с вами.

Марко натянул перчатку и принял конверт. Девушка повернулась и пошла. В этот момент Калеб поймал взгляд фокусника и отрицательно покачал головой. После чего последовал за одержимой.

Людвиг положил тяжелую руку ему на плечо.

– Ты же знаешь, что это невозможно, – сочувственно сказал он. – Нельзя отдать печать Фейри темнику. Да и откуда ты знаешь, что Дженни у него?

Франчелли открыл конверт и вытянул серебряную цепочку с медальоном. Это был дельфин с синими глазами-цирконами.

– Она была у него. Но где она сейчас?

Глава 9

– Доброе утро. – Дженни заглянула на кухню.

– Привет. – Кристин протирает стол. – Кофе в кофеварке, тостер и хлеб на столе. Если хочешь чай, то надо заварить...

– Не, не надо. Только кофе и какую-нибудь гренку.

– Тогда действуй.

Кристин одобрительно смотрела, как девушка хозяйничает на кухне – открывает шкафы, вставая на цыпочки, наливает кофе и с чашкой садится у окна.

– Ребята еще спят?

– Спят. – Кристин встала рядом, одернула занавески. – Внук дрыхнет без задних ног. Он вчера разошелся, да?

– Есть немного...

– Я понимаю, пиво. Это даже полезно, особенно Бьорну. Но ведь он полез к настойкам. Совсем на него не похоже.

– Мы все пили...

– Ну да, а в комнату невозможно зайти только к Бьорну. Там можно спирт из воздуха конденсировать.

Дженни пожала плечами:

– Он и правда вчера перебрал.

За окном набирал силу ветер – он носился по саду, трепал голые ветви яблонь, хлопал незакрытой дверью сарая. Кристин накинула куртку, вышла во двор. Ветер ударил в лицо, выжимая слезу. С запада надвигалась буря. Она была совсем близко. Кристин озабоченно поглядела на небо. Над самим поселком оно было еще чистым, но грозовой фронт уже совсем рядом. Черные тучи скребли толстым брюхом по верхушкам скал и стремительно накатывали на Люсеботн.

Кристин жила в Люсефьорде уже тридцать лет и никогда не видела подобной зимней бури – налитой густой тьмой, с редкими злыми молниями, искрящими в грозовых тучах. За ночь она пролетела весь фьорд и теперь будто выжидала перед броском на поселок. На мгновение ей почудилось, что буря ведет себя, как живое, злобное существо, которое долго рвалось к своей цели и теперь отдыхает перед решающим ударом.

«Вот же глупости. – Женщина запахнула куртку. – Где эти бездельники болтаются? Я же вчера все подробно объяснила».

Она услышала равномерный стрекочущий шум. Желтый, с красными линиями по бокам, вертолет описал круг над поселком и пошел на посадку где-то на поле возле паромного причала.

«Слава богу, наконец-то, – обрадовалась Кристин и побежала в дом. – Надо подготовить Дженни».

– Что там? – Девушка мыла посуду экономно, набрав воды в раковину.

– Холодина страшная. Буря идет. – Кристин встала в дверях. Она не знала, с чего начать. Правильные слова никак не шли на ум.

«Неужели это так трудно! Давай, скажи ей!»

– Дженни... я думаю, будет лучше, если ты переедешь отсюда. В другое место.

Девушка сгорбилась, сжалась, как мышка:

– Вы это о чем? Какое место?!

– Дженни... У многих в твоём возрасте бывают проблемы... Я тоже убегала из дома.

Дженни схватила полотенце, судорожно стала вытирать руки:

– Что вы знаете о моих проблемах? Я вас просила лезть в мою жизнь?

– Если у человека беда, я иду и помогаю. Если спрашивать, можно не успеть. А ты в беде. Тебе нужна поддержка. Родные тебя ищут...

– Родные? – горько спросила Дженни. – У меня нет родных. У меня никого нет...

Она села на стул, опустила руки:

– Вы вызвали полицию? Зачем, Кристин?

Кристин присела рядом:

– Была одна девочка. Чуть постарше тебя. Она любила «Битлз» и «Дорз»¹⁹, любила сидеть на крыше, любила свободу. Она думала, что ее никто не понимает. Что дом – это ловушка, а счастье где-то там, за горизонтом. И она сбежала с одним парнем. Думала, что он ее половинка.

– И что? Какое мне дело?

– Он бросил ее в Германии. Встретил другую. А девушка продолжила бежать. Она бежала и бежала, пока не оказалась в Америке. И там с ней случилось... кое-что плохое. Очень плохое. И никто ей тогда не помог.

Дженни смотрела в пол и молчала.

– Я знаю, каково быть одной, в чужой стране, без денег и документов, – сказала Кристин. – Это хуже некуда. Одна ты не справишься, Джен.

– Они мне не помогут. – Голос у девушки был бесцветный и пустой. – Никто не поможет... Вы только хуже сделали.

– Нет безвыходных ситуаций, – убежденно сказала Кристин. – Всегда можно найти новый путь. Всегда можно встать на ноги.

– Доброе утро. – Арвет заглянул на кухню. – Как дела? Я слышал вертолет.

– Ага. Это за мной, – сказала Дженни. – Кристин уверена, что полиция обо мне лучше позаботится. Вот так, Арви. Все будет хорошо, как ты и сказал вчера.

Глаза у Арвета приобрели холодный стальной оттенок:

– Зачем, Кристин?

– Так надо. Поверь мне...

– Спасибо, нет!

Двое мужчин в черных форменных куртках зашли во двор. Офицер постучался и открыл дверь.

– Кристин Эгиль?

– Да, офицер. Вот эта девушка. Я сейчас принесу куртку, там такой ветер...

– Не надо. – Дженни решительно встала. – Заберите меня отсюда, офицер.

– Ты в одной пижаме, Дженни!

– Мне ничего не надо, – повторила девушка. – Все, я готова.

Кристин сорвала куртку с вешалки, накинула ей на плечи. Обняла за плечи.

– Придет время, и ты все поймешь, – сказала она. – Все поймешь.

Арвет стоял и смотрел, как Дженни уводят два офицера. Они вышли на улицу, пересекли сад и скрылись за поворотом. А потом желтый вертолет горно-спасательной службы подпрыгнул в воздух и, набирая высоту, скрылся за перевалом. Вслед за ним пришла буря.

¹⁹ **The Doors** (в пер. с англ. Двери) – американская рок-группа, созданная в 1965 году в Лос-Анджелесе, оказавшая сильное влияние на культуру и искусство 60-х годов. Загадочные, мистические, иносказательные тексты песен и яркий образ вокалиста группы Джима Моррисона сделали ее едва ли не самой знаменитой и равно же противоречивой группой своего времени. Для самообразования слушать обязательно.

* * *

– Уезжаешь? – Бьорн встал в дверях, наблюдая, как Арвет укладывает походный рюкзак.

Арвет кивнул. Охоты говорить не было. Да и что тут скажешь?

– Слушай, я... мы...

Арвет продел руки в лямки, встал, походил. Присел, подтянул правую лямку. До Финмарка ему добираться дня три – сперва на пароме, потом на автобусах, поездом, потом опять на автобусе. Не хотелось бы, чтобы спина потом развалилась.

– Арви...

Арвет двинулся на выход, Бьорн посторонился. По лестнице они спускались в молчании.

«Иногда лучше ничего не говорить, – подумал Андерсен. – Просто без слов разойтись, и все».

На кухне сидела Кристин. Смотрела в окно. Лицо у нее невеселое.

– До парома еще час, – заметила она. – На причале замерзнешь.

Арвет неопределенно повел плечами – мол, не переживайте.

– Я помогла ей, как помогла бы себе! – воскликнула Кристин. – Ее разыскивает Интерпол. У Дженни целый букет административных правонарушений и попытка самоубийства. Она сбежала из дома! Бедный ее опекун, представляю, в каком он состоянии!

– В каком смысле? – опешил Арвет. – Какой опекун?

Он не очень понимал, о чем говорит Кристин. Ничего Дженни про опекуна не говорила.

– Ее опекун Клаус Хампельман. Я написала ему вчера письмо, он уже ответил – благодарил за помощь. Сказал, что немедленно вылетает в Норвегию. Ты знаешь, что она уже трижды убегала из дома?

– Клаус Хампельман? – повторил парень. – Вы уверены, что ее опекуна зовут именно так?

– Так было указано в анкете, – пожала плечами Кристин. – В разделе «родственники». А что?

– Ничего. – Он заторопился. – И куда ее увезли?

– Понятия не имею. Наверное, в полицейское управление Форсанна.

– Ну да, конечно. – Арвет задумался. – Ладно, я пошел.

– Постой...

– Спасибо, Кристин. У вас очень милый дом, – пробормотал он. – Все было здорово. Но мне уже пора. Пока, Бьорн.

Бьорн дернулся, но не успел ничего сказать – Арвет хлопнул дверью и вышел на улицу.

– Кристин... – Бьорн подошел к ней.

– Верь мне, малыш. – Кристин обняла его. – Я сделала все, как надо.

Юноша вырвался и рванулся вверх по лестнице. Кристин беспомощно поглядела в окно.

– Все ведь правильно? – спросила она у бури, накатывающей на поселок.

До причала Арвет добрался, когда ветер уже едва не сбивал с ног. Он трепал флаги, поднятые перед домами по случаю грядущего Рождества, взметал остатки листвы и мусора и швырял крупную ледяную дробь в стекла.

Арвет глянул на небо. В горном котле заваривалась громадная грозовая каша – это буря дошла до края фьорда и уперлась в плато. Злые синие искры с треском пробивали воздух,

сшивали тучи между собой, а те бродили по кругу, бурлили, переваривали сами себя, выворачивали сизое нутро и с грохотом лупцевали градом землю, воду, скалы.

Больше всего доставалось Арвету, который топтался на причале. Он прижался к закрытой на зиму будке контролера, наглухо застегнул капюшон и закрылся рюкзаком – хотя бы с одной стороны. В таком режиме было теплее, и Арвет повеселел – принялся изучать расписание парома Лаувик – Моен – Люсеботн за прошлый год.

«Скоро паром придет, – думал он. – Почему буря не началась вчера? Или сегодня ночью?! Копы бы тогда не прилетели! Господи, почему все так нелепо, так глупо?»

Ответа, разумеется, не было.

«Должность служки в церкви не дает особых привилегий, – усмехнулся Арвет. – Если бы Бог отвечал на вопросы всех дураков, мир бы остановился – ни на что другое у Него не осталось бы времени».

Арвет пригляделся. Кажется, в серой пелене, застилавшей небо и землю, смешавшей воды и воздух, что-то двигалось.

Поднимая волну, к причалу быстро приближался паром. На палубе не было ни одной машины. Кому втемяшится в голову накануне Рождества ехать к троллю на уши, в какой-то Люсеботн? В канун Рождества надо дома сидеть, готовить люсефиск²⁰, баранину в капусте и печь пряничные домики. А не мотаться по заброшенным уголкам прекрасной в своей дикости Норвегии.

...Паром уже отходил, мотор стучал под днищем и волны белыми бурунами расходились от носа судна. Арвет захлопнул за собой герметичную – с резиновой прослойкой – дверь и выдохнул.

²⁰ **Люсефиск** – крайне специфическое блюдо, которое норвежцы готовят на Рождество. Если вам вступит в голову идея приготовить люсефиск своим родным, то вам необходимо съездить в Норвегию (желательно в музей сушеной трески в деревне О на Лофотенских островах), купить там большую сушеную треску, по прибытии домой размочить ее в горчичном соусе и после этого потушить с овощами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.